

Ханну
Райаниеми

СЕРВЕР
И ДРАКОН

«РАЙАНИЕМИ, БЕЗ СОМНЕНИЯ, ОДИН ИЗ УМНЕЙШИХ ПИСАТЕЛЕЙ,
РАБОТАЮЩИХ В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ».

TOR.COM

fanzon

Ханну Райаниemi
Сервер и дракон
Серия «Fanzon. Sci-Fi
Universe. Лучшая новая НФ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68024663
Сервер и дракон: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-174341-3

Аннотация

Номинация на Мемориальную премию Теодора Старджона.

Финалист финской премии «Блуждающая звезда».

Финалист премий «Локус» и «Хьюго».

Сплавляя в своих рассказах несоединимое, Ханну Райаниemi искусно жонглирует мифологией и технологией, воспевая бескрайнюю вселенную, сотканную из битов, которую бороздят темные корабли и драконы. Здесь квантовые стихи-заклинания срываются с губ, превращаясь в быстроногих лосей, человеческая трагедия делает возможным личный разговор с божеством, высятся цифровые соборы, а звезды создаются усилием мысли.

Как будет развиваться человеческая природа, если единственным пределом желаний является творчество? Что происходит, когда различие между людьми и богами так же мало, как наномашинны, или так же велико, как Вселенная? Вот лишь

основные вопросы, которые автор задает себе – и читателю – в этом увлекательном путешествии в глубины внутреннего и внешнего пространства.

«Райаниеми, без сомнения, один из умнейших писателей, работающих в жанре научной фантастики». – [Tog.com](#)

«Актуальная демонстрация того, как научная фантастика расширяет возможности литературы и опыт человека». – [Geek Chocolate](#)

«Сверхсущества с нанопроводом, плотоядные эмерджентные технологии, двери восприятия, распахнутые настежь и почти сорванные с петель – засунь в рот ствол фантазии Райаниеми и вынеси себе мозг!» – [Ричард Морган](#)

«Как в реальности, так и в вымысле, Райаниеми находится на самом переднем крае». – [Interzone](#)

«Маленькие жемчужины высококонцептуальной прозы». – [Sci-Fi and fantasy Reviews](#)

«Эта книга не для ваших дедушек. Эта книга не для фанатов „Звездных Войн“. Эта книга не для тех, кто „просто почитывает“ НФ. Но если вы читали Грега Игана, Чарльза Стросса, Ричарда Моргана, Дэниэла Суареза и Вернора Винджа – хватайте ее как можно скорее». – [The Daily](#)

«Вихрь, в котором встречаются наука и странности будущего, взрывающийся фейерверком смелых идей, комплексным нарративом и чертовски хорошей прозой». – [My Biochemical Sky](#)

«Лучшая и самая оригинальная антология после „Фейерверка“ Анджелы Картер, вышедшего 40 лет назад». – [Wall Street Journal](#)

«Это восхитительное путешествие в воображаемые миры привносит свежий взгляд на вечные идеи». – [Publishers Weekly](#)

«Райаниеми пишет постсингулярные сказки о романе компьютера с драконом, технологически продвинутых кошках и собаках и космических станциях с привидениями. Если вам нравится научная фантастика, а научная часть немного диковинна, то эта книга определено для вас». – Barnes & Noble Blog

Ворвавшись на сцену научной фантастики с дебютным романом «Квантовый вор», Ханну Райаниеми быстро завоевал репутацию автора, который сочетает экстраординарную и самую передовую науку с красивой прозой, делая все это с остроумием, теплотой и радостью от увлекательного повествования.

Именно эти качества демонстрируются в сборнике рассказов, представляемом внимаю читателя. Взятые из антологий, журналов и интернет-изданий и впервые собранные в виде книги, эти фантастические новеллы варьируются от лирических до причудливых, от элегических до озорных. Это коллекция, которая показывает одного из величайших новых изобретателей в научной фантастике.

Содержание

Deus Ex Nomine	7
Сервер и дракон	30
Тюхе и муравьи	46
Скафандр с привидениями	72
Голос его хозяина	85
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ханну Райаниеми

Сервер и дракон

Hannu Rajaniemi

INVISIBLE PLANETS: COLLECTED FICTION

Copyright © Hannu Rajaniemi 2016

© И. Нечаева, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство
«Эксмо», 2022

* * *

*Былым и настоящим товарищам из Группы
авторов научной фантастики, фэнтези и хоррора
Восточного побережья и Блока писателей*

Deus Ex Nomine

Я был не из тех богов, что умирают за твои грехи или говорят: «Не подходи, потому что я свят для тебя». Я был полноценным трансгуманистским божеством, с телом из жидкого металла, внешним мозгом, облаками самовоспроизводящегося служебного тумана, выполнявшими мои приказы, и рекурсивным самосовершенствующимся ИИ, который покорялся моей воле. Я мог сделать все, чего хотел. Я не был Иисусом, я был Суперменом, злым Суперменом Биззаро. Мне очень повезло. Я выжил.

В Питтенуиме тише, чем должно быть, даже с учетом того, что мы находимся в маленькой приморской деревеньке Файф. Чума на севере, за Адриановым файрволом, свирепствует, и домики прячутся за вспышками служебного тумана.

– Не очень похоже на Преззагард, да? – спрашивает Крейг, когда мы въезжаем на главную улицу.

«Тревога, – шепчет симбионт в моей голове, – беспокойство». Я не могу винить Крейга. Я парень его падчерицы, который приехал в гости в первый же ее выходной. Конечно, будут проблемы.

– Непохоже, – отвечаю я, и в желудке у меня бурчит от беспокойства.

– Чем бы дитя ни тешилось, как говаривала моя бабушка, – провозглашает Крейг. – Вот мы и на месте.

Сью открывает дверь и обнимает меня. Как всегда, я вижу Эйлин в ее чертах, в коротких светлых волосах и веснушчатом лице.

– Привет, Юкка, – говорит она. – Рада тебя видеть.

– И я тебя, – отвечаю я, и моя искренность удивляет и симбионта, и меня самого.

– Звонила Эйлин, – говорит Сью, – она будет через пару минут.

Я замечаю, что Малькольм смотрит на меня. Я подмигиваю ему, и он хихикает.

– Малькольм меня с ума сводит, – вздыхает она. – Теперь он решил, что может летать, как ангел. Здорово, конечно, когда тебе шесть и ты веришь, что все возможно.

– Эйлин до сих пор в это верит, – замечаю я.

– Знаю.

– Это она! – вдруг кричит Малькольм.

Мы выбегаем на задний двор и смотрим, как она спускается с небес.

Ангел велик, даже больше, чем на видео. Кожа у него прозрачная, похожая на текучее стекло, крылья угольно-черные. Лицо и торс грубо вылеплены и похожи на незаконченную статую.

В груди у него, запертая, как муха в янтаре, улыбается Эй-

лин.

Спускаются они медленно. Поток воздуха от крошечных лопастей в ангельских крыльях срывает лепестки с хризантем Сью. Наконец он легко опускается на траву. Стеклянная плоть раздвигается, и Эйлин выходит наружу.

Это наша первая встреча после ее ухода. Мягкий скафандр слегка светится, и она в нем похожа на рыцаря. Черты ее лица стали резче, она загорела. В Q-нете пишут, что солдаты корпуса богоубийц не только получают крутую снарягу, но и подвергаются изменению ДНК. Но это все равно моя Эйлин: грязные светлые волосы, острые скулы, зеленые глаза, в которых всегда таится вызов. Моя Эйлин, мой солнечный свет.

Я могу только смотреть. Она подмигивает мне и обнимает мать, брата и Крейга. Потом подходит ко мне, и я слышу тихий гул скафандра. Касается губами моей щеки.

– Юкка, какого хрена ты тут делаешь?

– Эй, хорош целоваться, – говорит Малькольм.

– Мы не целуемся. – Эйлин снова сгребает его в объятия и улыбается. – Мы просто здороваемся. Говорят, ты хотел познакомиться с моим ангелом?

Малькольм сияет, но Сью хватает Эйлин за руку.

– Сначала поешьте, играть будете потом.

– Вот теперь я чувствую, что вернулась домой, – хохочет Эйлин.

Эйлин ест с удовольствием. Доспехи она сменила на джинсы и футболку и теперь гораздо больше похожа на девочку, которую я помню. Она замечает, как я смотрю на нее, и сжимает мою руку под столом.

– Не бойся, я настоящая.

Я ничего не говорю и отнимаю руку.

Крейг и Сью обмениваются взглядами, и симбионт заставляет меня что-нибудь сказать.

– Я так понимаю, вы решили оставаться по эту сторону Файрволла?

Сью кивает:

– Я никуда не поеду. Этот дом построил мой отец, и мы останемся здесь, куда бы боги ни бежали. К тому же эта компьютерная штука неплохо нас защищает, судя по всему.

– Рыба, – говорю я.

– Никогда к этому не привыкну, – смеется она. – Я знаю, что ее так называли те парни, которые ее построили, но почему Рыба?

– Шутка для задротов. – Я пожимаю плечами. – Рекурсивный акроним. РЫБа – БогоАнтроп. Или там Безумный Акроним. Не очень смешно на самом деле.

– Ну ладно. Так или иначе, милостью Рыбы мы планируем оставаться здесь.

– Отлично, – говорю я. И думаю, что это очень глупо.

– Шотландцы все такие, – замечает Крейг, – упрямые.

– Финны тоже, – соглашаюсь я. – Вряд ли мои родители

куда-то уедут в ближайшее время.

– Я всегда знал, что у нас есть что-то общее, – радуется он, но симбионт сообщает мне, что его улыбка не такая уж искренняя.

– Эй, – вмешивается Эйлин, – насколько я помню, Юкка – не ваша дочь. И я только что вернулась домой с войны, между прочим.

– И как там, на войне? – спрашивает Крейг.

«Вызов» – регистрирует симбионт. Мне становится неловко.

– Грязно, – грустно улыбается Эйлин.

– Один мой друг в нулевые служил в Ираке, – говорит Крейг. – Вот там было грязно. Кровь и кишки. А сейчас только и есть, что машины и ботаники в них. И эти машины даже не могут никого убить. Что это за война такая?

– Мне нельзя говорить об этом, – отвечает Эйлин.

– Крейг! – говорит Сью. – Не сейчас.

– Я просто спрашиваю. У меня в Инвернесе друзья, и из-за чумы там все превратилось в гигантский тетрис. Эйлин была на войне, и она знает, как там все устроено. Нам здесь тоже невесело. Я просто хочу знать.

– Если она не хочет об этом говорить, значит, и не надо, – возражает Сью. – Она вернулась домой. Оставьте ее в покое.

Я смотрю на Крейга. Симбионт предупреждает меня, что это будет ошибкой, но я велю ему заткнуться.

– Она в чем-то права, – говорю я, – это ужасная война.

Хуже любой, что были прежде. И ты прав, агенты богочумы не убивают. Убивают боги. Рекурсивные самосовершенствующиеся ИИ не убивают, а вот киборги-убийцы – вполне.

– И почему же ты не там? – хмурится Крейг. – Раз там все так плохо?

Взгляд Малькольма мечется между сестрой и отчимом. «Сумятица». «Слезы».

Я кладу вилку – еда вдруг становится безвкусной.

– Я болел чумой, – медленно отвечаю я, – я не годен. Я был одним из ботаников.

Эйлин встает, и глаза ее вспыхивают яростью.

– Да как ты смеешь? – орет она на Крейга. – Ты не представляешь, о чем говоришь. Вообще. Из роликов в Сети ты ничего не поймешь. Рыба вам ничего не показывает. Хочешь услышать, как там плохо? Я расскажу.

– Эйлин... – Я открываю рот, но она жестом заставляет меня замолчать.

– Да, Инвернесс был похож на гигантский тетрис. В этом виноваты машины и ботаники. Мы их убили, да. А знаешь, что еще мы видели? Младенцев. Младенцев, больных богочумой. Дети жестоки. Они прекрасно знают, чего хотят: есть, спать, не чувствовать боли. И богочума дает им это. Я видела женщину, которая сошла с ума. Она говорила, что потеряла ребенка и не может его найти, а на самом деле была беременна. Мой ангел посмотрел на нее и сказал, что у нее в животе червоточина, что ребенок живет в собственной ма-

ленькой вселенной. А ее глаза...

Эйлин замолкает. Она вылетает из комнаты, а Малькольм начинает реветь. Не думая, я бегу за ней.

– Я просто спросил... – Я успеваю услышать голос Крейга, захлопывая за собой дверь.

Я нахожу ее на заднем дворе. Она сидит на земле рядом с ангелом, обхватив его ногу. Я чувствую прилив ревности.

– Можно я сяду? – спрашиваю я.

– Валяй, трава свободна. – Она слабо улыбается. – Я всех перепугала, да?

– Похоже на то. Малькольм до сих пор ревет.

– Просто... не знаю. Само вырвалось. И я подумала, что пусть он тоже слышит. Он же все время играет в игры, где все еще хуже, ну так какая разница. Я глупая.

– Я думаю, дело в том, что это все рассказала именно ты, – медленно говорю я, – и он понял, что это правда.

– Ты прав, – вздыхает она, – я сука. Нельзя было давать Крейгу меня доводить, но на севере было непросто, а он так легкомысленно ко всему относится...

– Все хорошо.

– Вообще-то я по тебе скучала. Ты придаешь жизни смысл.

– Приятно, что кто-то так думает.

– Да ладно. – Эйлин вытирает слезы. – Пошли погуляем или лучше в паб сходим. Я голодная. И выпила бы. Первое увольнение, а я еще трезвая. Сержант Кацуки меня выгонит,

если узнает.

– Давай попробуем это исправить, – соглашаюсь я, и мы идем к гавани.

Не представляю, как девушка вроде Эйлин заинтересовалась бы парнем вроде меня, если бы, конечно, я не был богом какое-то время.

Два года назад. Университетское кафе. Я пытаюсь снова привыкнуть к тусклым краскам реального мира. Совсем один. И тут три девчонки садятся за соседний столик. Хорошенькие и очень громкие.

– Серьезно, – говорит одна, в пастельной курточке и с интерфейсом Рыбы в стиле «Хелло, Китти». – Я хочу быть с постчеловеком. Вот посмотрите...

Девушки смотрят на туманный экран.

– Есть канал, называется «Посткоитус». Про секс с богами. Эта девчонка их фанатка. Ездит за ними везде. За нормальными, которые с ума не сходят.

На мгновение воцаряется благоговейная тишина.

– Вау! – говорит вторая. – Я думала, это городская легенда. Ну или постановочная порнуха.

– А вот и нет, – говорит третья.

В те дни восхищение ботаниками распространялось как грипп. Богочума – это подавляющая волю, постоянно само-совершенствующаяся и самовоспроизводящаяся программа. Джинн, который селится в окружающих тебя машинах, а

потом велит творить свою волю и говорит, что таков да будет весь закон. Это уничтожает тебя, но это чертовски сексуально.

– Seriously, – говорит первая девушка. – Вообще не удивительно, что Рыбу придумали мужики. Это же просто воплощение пениса. О женской сексуальности там вообще ничего нет. Их коллективу явно не хватает феминизма. Не, ну правда.

– Господи, – говорит вторая. – Посмотрите на этого. Я хочу его... ее... всех их. Не, правда.

– Не хочешь, – вмешиваюсь я.

– Простите? – Она смотрит так, как будто наступила во что-то неприятное и хочет его вытереть. – У нас тут личный разговор.

– Разумеется. Я просто хотел сказать, что этот канал – тоже фейк. И на твоём месте я бы не связывался с постлюдьми.

– По своему опыту говоришь? Тебе постдевчонка член откусила?

Впервые я ощущаю благодарность к своему симбионту. Если я не слушаю его шепот, её лицо остается для меня пустой маской.

Другие девушки нервно хихикают.

– По своему, – говорю я. – Я был таким.

Они разом встают, мгновение смотрят на меня и уходят. Маски, твержу я себе. Просто маски.

Через минуту меня прерывают снова.

– Извини, – говорит третья девушка. – Правда, извини.

Они мне даже не подруги, мы просто один курс взяли. Я Эйлин.

– Все в порядке. Я не обижаюсь.

Эйлин присаживается за стол, и это меня тоже не напрягает.

– А на что это похоже? – спрашивает она. Глаза у нее невероятно зеленые. «Любопытство», – подсказывает симбионт. И я вдруг очень жалею, что он не говорит больше ничего.

– Ты правда хочешь знать?

– Да.

Я смотрю на свои руки.

– Я был квакером, – медленно говорю я, – квантовым хакером. Когда код Рыбы выложили в открытый доступ, я решил с ним поиграть, как и все гики на планете. Я решил скомпилировать собственного дружелюбного ИИ-раба. Суперсистему с защитой от дурака, которая должна была превратить меня из куска мяса в бога из комиксов, никому не причиняя вреда. Ну, так мне сказала сама система. – Я кривлюсь. – Моя внешняя нервная система захватила компьютерный суперкластер Технологического университета Хельсинки примерно за тридцать секунд. Получилось... довольно некрасиво.

– Но ты это сделал! – Эйлин распахивает глаза.

– Ну, в те времена у Рыбы хватало ресурсов, чтобы быть

доброй. Морские звезды появились, когда никто еще не успел погибнуть. Они выжгли мой искусственный интеллект, как информационную опухоль, и запихнули меня назад в... – Я делаю вид, будто оглядываю себя. – В это.

– Вау! – Эйлин обхватывает тонкими пальцами стакан с латте.

– Да. Это я и имел в виду.

– И как ты себя чувствуешь сейчас? Это было больно? Ты скучаешь?

Я смеюсь.

– Я почти ничего не помню. Рыба ампутирует большую часть воспоминаний. Правда, я все же пострадал. – Я сглатываю. – Я... это нетяжелая форма Аспергера или что-то вроде этого. Я почти не понимаю людей. – Я снимаю шапочку. – Некрасивая штука. – И демонстрирую ей симбионта в затылке. Как и большинство устройств Рыбы, он похож на морскую звезду.

– Это мой симбионт. Он читает людей за меня.

Она осторожно его касается, и я это чувствую. Симбионт считывает тактильную информацию гораздо лучше моей кожи, и я ощущаю сложный контур кончиков пальцев, которые скользят по его поверхности.

– А мне он нравится. Как драгоценный камень. Ой, а он теплый. А что еще он умеет? Это что, интерфейс Рыбы прямо в голове?

– Нет. Он постоянно прочесывает мой мозг. Ищет, не

спряталось ли там то, чем я был. – Я смеюсь: – Довольно хреново быть никому не нужным богом.

Эйлин улыбается. Симбионт сообщает, что у нее очень красивая улыбка. Возможно, он просто льстит в ответ на ее ласку.

– Вообще, это все довольно круто звучит. Или это версия специально для девушек?

Вечером она приглашает меня к себе.

В «Приюте контрабандиста» мы заказываем фиш-энд-чипс. Мы с Эйлин здесь единственные посетители, и старик бармен называет ее по имени. Еда потрясающая, хоть и слишком жирная. Эйлин ест с явным удовольствием и запиивает рыбу пинтой пива.

– По крайней мере, ты не лишилась аппетита.

– Учебка в пустыне Гоби учит ценить еду, – говорит она, и сердце у меня сжимается, когда она отбрасывает волосы назад. – Клетки моей кожи способны к фотосинтезу. В Сети ты такого не увидишь. Это ужасно. Ты постоянно голоден, но есть тебе не разрешают. Зато ты в постоянной боевой готовности. Моча у меня будет ужасного цвета все выходные – наниты будут выходить.

– Спасибо, что поделилась.

– Извини, солдатские шуточки.

– Ты изменилась.

– А ты нет.

– Вообще, я тоже изменился. – Я отхлебываю пива, надеюсь, что симбионт позволит мне опьянеть. – Я стал другим.

– Спасибо, что приехал, – вздыхает она, – рада тебя видеть.

– Да пожалуйста.

– Нет, правда, это много для меня значит...

– Эйлин. – Я блокирую симбионта. Говорю себе, что не знаю, о чем она думает. Честно. – Не надо. – Я допиваю вино. – Есть один вопрос... я очень много об этом думал. Ну, в смысле... – Слова не идут.

– Давай, спрашивай.

– Ты не обязана была этого делать. Уходить в армию, сражаться с монстрами. Если только...

От этой мысли меня до сих пор дергает.

– Если только ты не разозлилась на меня так сильно, что не захотела убивать тех тварей, одной из которых я когда-то был.

Эйлин встает.

– Нет. Дело совершенно не в этом.

– Я тебя прекрасно слышу, не надо кричать.

Она закрывает глаза.

– Включай своего сраного симбионта и пошли со мной.

– Куда?

– На пляж, камушки кидать.

– Зачем?

– Потому что я так хочу.

Мы спускаемся к пляжу. Светит солнце, чего не было уже пару месяцев. Возможно, к этому имеет отношение огромная Рыба, которая плавает где-то на горизонте. Ромбовидная морская звезда диаметром почти в милю.

Мы идем вдоль линии прибоя. Эйлин бежит вперед, забегает в волны. Между двумя пирсами есть местечко, где лежит много плоских круглых камней. Эйлин подбирает пару штук, размахивается и делает умелый бросок. Камень несколько раз отскакивает от воды.

– Давай, у тебя получится.

Я пробую. Камень высоко взлетает в воздух, падает вниз и исчезает в воде, даже без всплеска. Я смеюсь и смотрю на нее. Лицо Эйлин залито мерцанием морской звезды и солнечным светом. На какое-то мгновение она превращается в ту самую девушку, которая позвала меня отмечать Рождество со своими родителями. Потом она начинает плакать.

– Извини, – говорит она, – надо было сказать тебе раньше. Но я не могла.

Она цепляется за меня. К нашим ногам подкатывают волны.

– Эйлин, скажи, пожалуйста, что не так. Ты же знаешь, что я не всегда все понимаю.

Она садится прямо на мокрый песок.

– Помнишь, что я сказала Крейгу про младенцев?

– Ну да.

– Когда я от тебя ушла... у меня был ребенок.

Сначала я думаю, что это просто секс из жалости. Меня это не пугало: такое со мной случилось несколько раз, и до того, как я ненадолго стал богом, и после. Но Эйлин остается. Готовит завтрак. Утром идет со мной в кампус, держа меня за руку, и смеется над ловушками для спама, которые гоняются за рекламными значками и похожи на разноцветные листья на ветру. К ее дню рождения я выращиваю интерфейс Рыбы из своего симбионта. Он похож на божью коровку, и она называет его «Мистер Жук».

Мне легко. Этого хватает, чтобы влюбиться.

Зима в Преззагарде проходит быстро. Мы находим квартиру в высоченном комплексе апартаментов, и я плачу за нее деньгами, полученными за пару хакерских атак.

А однажды утром постель оказывается пустой. Только Мистер Жук сидит на подушке. Косметика исчезла из ванной. Я звоню ее друзьям, запускаю ботов в местные сети камер наблюдения. Никто ее не видел. Две ночи меня мучают кошмары. У нее есть любовник? Я что-то сделал не так? Симбионт не безупречен, иногда я боюсь, что сказал что-то ужасное случайно.

Она возвращается утром третьего дня. Я открываю дверь и вижу ее – бледную и расстроенную.

– Где ты была? – спрашиваю я. Она выглядит так, что мне очень хочется обнять ее, но она меня отталкивает.

«Ненависть, – фиксирует симбионт, – ненависть».

– Извини, – говорит она, и по щекам ее текут слезы. – Я за вещами зашла. Мне нужно уйти.

Я пытаюсь что-то сказать. Что я ничего не понимаю, что мы со всем справимся, что она обо всем может мне рассказать, что если я виноват, то все исправлю. Мне хочется встать на колени. Умолять ее. Но аура ненависти так сильна, что я замолкаю и тихо смотрю, как дроны Рыбы уносят ее жизнь.

– Не проси меня ничего объяснять, – говорит она, стоя в дверях. – Присмотри за Мистером Жуком.

Когда она уходит, мне хочется выломать симбионта из черепа. Я хочу, чтобы черный червь, который прячется в моем мозгу, снова взял власть надо мной. Сделал меня богом, который выше боли, любви и ненависти, богом, который умеет летать. На некоторое время мир вокруг расплывается. Кажется, я пытаюсь открыть окно и выпрыгнуть с высоты трех сотен метров, но Рыба в стенах и в стекле не позволяет мне. Мы создали очень жестокий мир, но при этом он заботлив и не позволяет нам причинить себе вред.

Потом симбионт укладывает меня спать. Когда я просыпаюсь и начинаю крушить мебель, он делает это снова. И снова, и снова, пока у меня не вырабатывается что-то вроде рефлекса, как у собачки Павлова.

Я провожу много долгих ночей, разглядывая образы из кэша Мистера Жука и пытаюсь их разгадать. Задействую симбионта, чтобы он вычленил какие-то эмоциональные паттерны из обломков нашей совместной жизни. Но там нет ниче-

го, что нельзя было решить, ничего долгого и мучительного. Ну или я ничего не понимаю.

Такое уже случалось, если подумать. Я коснулся неба и упал. Ничего нового.

Я живу как во сне. Диплом. Работа. Скрипты для Рыбы. Я забываю. Говорю себе, что должен быть выше этого.

А потом Эйлин звонит, и я сажусь на первый же поезд на север.

Я слушаю биение ее сердца и пытаюсь понять ее слова. Они с трудом пробиваются к моему разуму. Они слишком тяжелые.

– Эйлин, господи, Эйлин...

Бог прячется в моем разуме, в его мертвой части, в моих клетках, в моей ДНК. Вдруг меня начинает тошнить.

– Я сначала не понимала, что происходит, – говорит Эйлин плоским бесцветным голосом, – просто было как-то странно. Хотелось побыть одной. Поэтому я пошла в пустую квартиру – ну, наверху, где комплекс достраивали, чтобы посидеть и подумать. Очень хотелось есть. Не представляешь как. Я ела и ела, постоянно. И у меня начал увеличиваться живот.

Рыба всегда рядом, и контрацепция подразумевается сама собой, если только человек не хочет ребенка по-настоящему. Но была одна ночь в Питтенуиме, сразу после Рождества, за Файрволлом. Споры Рыбы там рассеяны не так гу-

сто, как в Преззагарде. Я почти вижу, как это происходит, как семя бога в моей голове взламывает мои клетки, создает крошечные, куда меньше сперматозоида, молекулярные машины, которые несут ДНК с кодом и проникают в Эйлин.

– Я почти ничего не почувствовала. Боли не было. Я лежала, воды отошли, и оно просто выскочило наружу. Это было самое красивое создание, которое я видела в жизни. – Она улыбается. – У него были твои глаза и такие крошечные пальчики с хорошенькими ноготочками. Оно посмотрело на меня и улыбнулось. Помахало ручкой. Как будто... как будто решило, что больше во мне не нуждается. Стены расступились, и оно улетело. Мое дитя. Улетело.

Чтобы заблокировать божье семя, я выбрал идентификационным механизмом свою ДНК. Мне и в голову не пришло, что в этой системе безопасности есть дыра. Оно подчинило мою волю. Переизобрело себя. А после этого оно уже могло меняться как ему захочется. Например, отрастить крылья.

Я обнимаю Эйлин. Мы оба мокрые и дрожим, но мне плевать.

– Извини. Тогда я приехала, чтобы рассказать это тебе. А потом оно снова посмотрело на меня твоими глазами. Мне пришлось уйти.

– И ты ушла в армию.

– Да, – вздыхает она, – это помогает. Что-то делать, быть нужной.

– Ты нужна мне.

– Знаю. Прости.

Гнев поднимается к горлу.

– Так это работает? Вы уничтожаете супердетей и темных властелинов? Это весело?

Она отшатывается.

– Ты говоришь как Крейг.

– А что мне сказать? Плохо, что с ребенком так вышло.

Но это не твоя вина и не моя.

– Но это же ты... – Она прижимает ладонь ко рту. – Извини, я не хотела. Правда.

– Оставь меня в покое. Ты же хотела побыть одна.

Я бегу вдоль линии прибоя, не зная куда.

Ангел ждет меня на берегу.

– Привет, Юкка, – говорит он, – рад снова тебя видеть.

Голос у него приятный, не мужской и не женский. Он словно щекочет что-то у меня в мозгу. Это голос Рыбы.

– Привет.

– Я могу тебе помочь?

– Вряд ли. Если только ты не хочешь заставить ее все бросить. Понять, в чем дело.

– Я не влияю на ее решения, – говорит ангел, – я не для этого. Я только даю ей – и тебе – что вы хотите или то, что вы захотели бы, будь вы умнее. Такова моя высшая цель, и ты это знаешь.

– Ты самодовольный мудака. Коллективная воля челове-

чества считает, что она должна сражаться с монстрами? И, наверное, умереть в процессе? Это сформирует ее характер или что-то в этом роде?

Ангел молчит, но меня уже несет.

– Я ведь даже не знаю, сама ли Эйлин так решила. Эта... хрень в моей голове – это ты. Ты мог позволить божьему семени ускользнуть, просто чтобы сделать Эйлин больно, чтобы она вписалась в твой отряд сраных камикадзе. Наверняка ты знал, что я приеду сюда и буду с тобой говорить, и у меня не будет шансов ее остановить. Или они есть?

Ангел задумывается.

– Если бы я мог это сделать, мир был бы идеален. – Он наклоняет стеклянную голову набок. – Возможно, кто-то действительно хотел, чтобы ты приехал.

– Не пытайся меня запутать!

Гнев льется из меня рекой. Я колочу ангела по груди, кожа прогибается под ударами, как мыльный пузырь.

– Юкка! – Голос доносится откуда-то издалека.

– Юкка, хватит! – говорит Эйлин. – Ты идиот.

Она с неожиданной силой оттаскивает меня в сторону.

– Посмотри на меня! Это не Рыба. Это не ты. И это не ребенок. Это я. Я хотела этого. Почему ты мне не позволил?

Я смотрю на нее мутными глазами:

– Потому что я не мог пойти с тобой.

– Глупый мальчик, – говорит она, и теперь она меня обнимает, а я плачу. Плачу впервые с тех пор, как перестал быть

богом. – Глупый, глупый мальчик.

Скоро слезы иссякают. Мы сидим на камне и смотрим на закат. Я чувствую себя легким и пустым.

– Может быть, если бы ты не позвонила, было бы легче, – вздыхаю я.

– Ты о чем? – удивляется Эйлин. – Я не звонила. Я думала, это Крейг. Очень на него похоже. Чтобы не дать мне вернуться.

А потом мы видим младенца.

Он безволосый, голенький, розовый, и из пупка свисает тоненькая серебристая пуповина. Глаза у него зеленые, как у Эйлин, а взгляд мой. Он плывет по воздуху, и хорошенькие крошечные пальчики почти касаются воды. Он смотрит на нас и смеется, и смех этот похож на звон серебряных колокольчиков. Во рту у него растут жемчужные зубки.

– Не двигайся, – говорит Эйлин.

Ангел двигается к ребенку. Его руки взрываются пучками лезвий. Из груди высовывается дуло стеклянной пушки. Крошечные сферы света, квантовые точки, накачанные энергией, мчатся к ребенку.

Он снова смеется, вытягивает крошечные ручки и сжимает кулачки. Воздух – или время, или пространство – колеблется и изгибается. Ангел исчезает, а наш ребенок держит в руках маленький стеклянный шарик, похожий на сувенир со снегом внутри. Эйлин хватается за меня за руку.

– Не бойся, – шепчет она, – небесная Рыба должна была

это заметить. Она что-нибудь сделает. Сиди тихо.

– Плохой мальчик, – медленно говорю я, – ты сломал маминого ангела.

Ребенок хмурится. Космический гнев собирается за наморщенным розовым лобиком.

– Юкка, – начинает Эйлин, но я перебиваю:

– Ты умеешь убивать богов, а я умею с ними говорить.

Я смотрю на своего... сына, судя по крошечной сморщенной штучке между ножек, и делаю шаг ему навстречу. Я помню, каково это – обладать всей силой Вселенной. Вместе с ней приходит потребность сделать все идеальным.

– Я знаю, зачем ты нас сюда привел. Ты хочешь, чтобы мамочка и папочка были вместе, да? – Я опускаюсь на одно колено и смотрю сыну в глаза. Я уже зашел в воду, и я так близко, что чувствую тепло его кожи.

– Я знаю, что ты думаешь. Я тоже таким был. Ты можешь нас развести. Ты можешь перебрать наш разум. Ты можешь заставить нас захотеть быть вместе. Вместе с тобой.

Я касаюсь его носика пальцем.

– Но это так не работает. Хорошо не будет. Правильно не будет. – Я вздыхаю. – Поверь, я знаю. Я пробовал. Но ты сможешь лучше, правда?

Я достаю из кармана Мистера Жука и протягиваю сыну. Он хватает его и тянет в рот. У меня перехватывает дыхание, но он не кусает Жука.

– Поговори с Жучком. Он расскажет, кто мы такие. Потом

возвращайся.

Ребенок закрывает глаза, хихикает, набив рот искусственным интеллектом в виде насекомого, и тычет меня в нос.

Я слышу крик Эйлин. В мозгу брыкается электрическая лошадь, а потом гремит гром.

Меня будит что-то мокрое на лице. Я открываю глаза и вижу темное небо – и Эйлин. Идет дождь.

– Ты в порядке? – спрашивает она, чуть не плача. Моя голова лежит у нее на коленях. – Маленькая сволочь.

Вдруг глаза ее распахиваются. И вдруг у меня в голове воцаряются тишина и пустота. Я вижу в ее взгляде удивление.

Эйлин разжимает руку. Мой симбионт лежит у нее на ладони. Я беру его, кручу в пальцах, замахиваюсь и швыряю в море. Он отскакивает от воды трижды и тонет.

– Интересно, как это у него вышло?

Сервер и дракон

Вначале, пока не появились Творец и драконица, сервер был один.

Он родился, как и все серверы, из крошечного семечка, вылетевшего из темного корабля, который исследовал Великое ничто, расширяя границы Сети. Первым его ощущением стал свет звезды, которую предстояло сделать своей, теплый, сочный спектр, пробудивший нанологические компоненты внутри белковой оболочки.

Потянувшись к ней, он развернул тормозной парус – многие мили тонких, с молекулу толщиной, проводков, – закрутился и ухватился за солнечный ветер, чтобы лететь к теплу.

После сервер вспоминал свое рождение как долгий и медленный сон с короткими вспышками осознания. Падение в атмосферу спутника газового гиганта, раскаленная полоса в небе, всплеск метанового моря. Установка сурового синтбиологического репликатора. Многоклеточные сканеры, влекущие частички сервера на суровые скалистые берега и умирающие, чтобы стать почвой для серверных растений. Темные цветы, тянущиеся к огромному сине-пурпурному диску газового гиганта, рассеивающие свои семена по ветру. Медленное превращение луны в серверные установки, которые распространялись во всех направлениях, жрали, принимали форму, мечтали о сервере, создавая его.

Когда сервер окончательно пробудился, вся материя в системе, кроме теплого яркого цветка звезды, превратилась в опрятный сад умной материи. Тело сервера представляло собой фрагментированную оболочку статитов «Дайсон», которые пили свет звезды. Разум его был скоплением бриллиантовидных узлов, умных пылевых червей и холодных квантовых конденсаторов, плывущих во внешней черноте. Глазами ему служили интерферометры, детекторы слабозаимодействующих элементарных частиц и формирователи призрачных изображений.

Первым, что увидел сервер, стала галактика, водоворот света с линзовидным центром высоко в небе, спиральные рукава, усыпанные звездами, нимб темной материи, который сжимал туманности в своих объятиях, как фонарь, приманивающий бабочек. Галактика жила благодаря Сети, грохотало по замкнутым циклам ослепительное пламя кораблей на сингулярных реакторах, придуманных Хокингом, светились мягким инфракрасным светом взрослые серверы, не упуская ни капли жара своих звезд, виднелась слабая гравитационная рябь от прохода темных кораблей по пустоте.

Но до этой галактики было полмиллиона световых лет. А слышал сервер только тихий черный шепот космических микроволн, одинокое эхо другого, значительно более древнего рождения.

Сервер довольно быстро все понял. Галактика представляла собой N-частичный хаос, скопление сотен миллиар-

дов звезд, не часовой механизм, а улей. И среди множества спокойных, медленных эйнштейновых и ньютоновых орбит встречались сингулярные – вроде орбиты той звезды, на которой оказался сервер. Они летели прочь из галактики со скоростью, сравнимой со скоростью света. Почему здесь, сервер не знал, – из-за беспорядочной эякуляции перевозбужденного корабля или с какой-то непостижимой целью, о которой знал один лишь Контролер.

Сервер мечтал конструировать виртуалы и тела для путешественников, передавать пакеты, перенаправлять, создавать, преобразовывать, соединять. Законы Контролера были встроены в каждый аспект его существа, и не служить для него – значило не быть. Одиночество сервера стало всеобъемлющим.

Поначалу он создавал симуляции, чтобы убедиться, что он готов к прибытию сигнала или пакета, тестировал свои системы на полной мощности с воображаемым трафиком, передавал квантовые пакеты, заправлял призраки кораблей, снижал нагрузку на циклеры. Через некоторое время все это стало казаться пустым: это было не истинное служение, а служение самому себе, с привкусом вины.

Потом он попробовал прислушиваться к слабым сигналам галактики и усиливать их, но улавливал только фрагменты, ни один из которых не предназначался для него. Несколько тысячелетий он замедлял свой разум, готовясь ждать. Но это сделало все только хуже. Замедлившись, сервер узрел галак-

тику, оживленную Сетью, во всей ее славе, он видел инфракрасное подмигивание заново рождающихся серверов, длинные дуги корабельных циклов, далеких путешественников, которых не было здесь.

Сервер выстроил для себя научные движки, чтобы заново изобрести и открыть все то, что не влезло на семя сервера, терпеливо вывел квантовую теорию поля, теорию струн, придумал изменчивую эмерджентную алгебру. Он изучал свой собственный разум, пока не понял, что Контролер взял когнитивную архитектуру у гоминид далекого прошлого и приспособил ее к новой цели. Он осторожно поиграл с идеей разделиться и создать таким образом компаньона для себя, но в результате почти поддался суицидальному порыву, возникшему из-за нарушения Закона: *не самовоспроизводись*.

Устыдившись, он обратил свой взор наружу. Он увидел космическую паутину галактик, скоплений и сверхскоплений и Конец пустоты за ними. Он нанес на карты слабые колебания гравитационных волн, родивших всю Вселенную. Он чувствовал слабое притяжение других вселенных, всего в нескольких миллиметрах от себя, но в направлении, которое нельзя было описать координатами x , y или z . Он понял, какой редкостью во вселенском ландшафте был его дом, насколько тщательно были выбраны константа тонкой структуры и сотни других чисел, позволяющие существовать звездам, галактикам и серверам.

И тогда у сервера появилась идея.

У него уже были все необходимые инструменты. Гигатонные гамма-лазеры, которые он использовал бы, чтобы заправлять корабли свежей сингулярностью, несколько щепоток экзотической материи, с болью вырванные из вакуума Казимира для темных кораблей и военных кораблей. Помимо этого, требовались расчеты, координация и время, а этого у сервера было в достатке.

Он собрал из сотни лазеров часовой механизм, нацелив их все в одну точку пространства. Он активировал их все идеально синхронно. И больше ничего не было нужно: только концентрация энергии, достаточная, чтобы сам вакуум пошел волнами. Лохматый цветок из перепутанных струн распустился, стал пузырем пространства-времени, который принялся расширяться в том, *другом* направлении. Сервер ждал этого, он запустил крошку экзотической материи в этот маленький взрыв. И вдруг в руках у него оказалась светящаяся сфера, конец червоточины, окно в новорожденную вселенную.

Сервер баюкал свое космическое дитя и собирал вокруг него разнообразные инструменты, квантовые формователи изображений, которые стреляли запутанными частицами в червоточину и сотворяли картинку из их призраков. С другой стороны бушевал первозданный хаос, плазменная каша из кварков и глюонов. В мгновение ока из нее сформировались адроны – с такой скоростью, что сервер еле ее отследил. У младенца была собственная ось времени, собствен-

ный пульс, юный и голодный.

А потом последовал последний разлет частиц, первый крик, когда свету наконец хватило пространства, чтобы пройти сквозь ребенка, и сервер увидел его лицо.

Младенец рос. Темная материя определяла первые дни его жизни, наполняя ее длинными нитями нейтрально и схожих частиц. Вскоре, как понял сервер, материя должна была собраться вокруг них, сжаться в звезды и галактики – так задерживаются капли дождя на паутине. Появятся планеты и жизнь. А жизни нужно служить. От предвкушения этого внутри становилось тепло, и корпус сервера дрожал от радости.

Возможно, сервер был бы счастлив заботиться о своем создании вечно. Но не успел ребенок создать звезды, как пришла драконица.

Сервер почти не заметил сигнала. Он был очень слаб, красное смещение превратило его почти в ничто. Но его все-таки хватило, чтобы задействовать инстинкты сервера. Один из статитов засветился от избыточного тепла, мгновенно преобразовавшись в воронку огромного линейного замедлителя. В следующее мгновение появился пакет данных.

Масса его составляла всего несколько микрограммов. Это был сгусток материи в конденсированном состоянии с долгоживущими узлами калибровочного поля внутри, квантово запутанный двойник пакета, существующего в полумиллионе световых лет отсюда. Пакет влетел в воронку почти со ско-

ростью света. Как можно осторожнее сервер остановил путешественника электромагнитным полем и скормил его квантовой системе телепортации, не использовавшейся на протяжении многих тысячелетий.

Затем последовал сигнал несущей частоты, и, руководствуясь им, сервер выполнил серию точнейших измерений и логических операций над вектором состояния пакета. Сочетание запутанности и несущей волны породило поток данных, густой и тяжелый, спецификацию для виртуального мира, богатого на модели физических элементов.

С бесконечной осторожностью сервер влил виртуал в свои узлы обработки данных и инициализировал его. Виртуал тут же активно зашевелился, но сервер не заглядывал внутрь, несмотря на соблазн. Он внимательно прислушивался к виртуалу, к каждому элементу интерфейса, готовый удовлетворить любые его потребности. При этом сервер по-прежнему ощущал пуповину своего ребенка. Но в счастливом транс служения он почти не заметил, что в молодом растущем небосводе начался нуклеосинтез, производивший водород и гелий, материалы для постройки звезд.

Вместо этого сервер думал, кто же были путешественники внутри виртуального мира и куда они стремились. Очень хотелось узнать больше о Сети, о братьях и сестрах, о таинственных путях кораблей и о Контролере. Но виртуал долгое время молчал, рос и распаковывал свои данные тихо – как яйцо.

Сначала серверу показалось, что он вообразил запрос. Но долгие тысячелетия одиночества научили его отличать призраки от реальности.

Вызов системного администратора изнутри.

Сервер вошел через одну из точек входа. Операционная система не дала ему обычного всеведения, и он почувствовал себя крошечным. Бестелесными глазами он видел желтое солнце, куда более ласковое, чем сверкающая голубая звезда сервера, роскошные пурпурно-золотые облака и где-то внизу – вершины темных крутых гор. Но вызов, который слышал сервер, пришел сверху.

Странное существо боролось с гравитацией, бросаясь вверх, в темноту за синим, крылья яростно рассекали разреженный воздух, в пасти пылал огонь. Существо было длинным, гибким, с зеркальной чешуей и глазами темно-изумрудного цвета. На крыльях существа красовалась паутина света и тьмы, которая напомнила серверу о ребенке.

Виртуал сказал серверу, что существо называется драконицей.

Снова и снова она взлетала и падала, отчаянно крича. Сервер слышал этот крик через интерфейс виртуала. Он с удивлением смотрел на драконицу. Впрочем, по крайней мере, у него появился Другой. У сервера был миллион вопросов. Но сначала он должен был исполнить свое предназначение.

– Чем могу помочь? – спросил сервер. – Что тебе нужно?

Драконница остановилась в воздухе, чуть не упав, но затем выровнялась.

– Кто ты? – спросила она.

Это был первый раз, когда кто-то обратился к серверу напрямую, и он не сразу набрался смелости ответить.

– Я сервер, – сказал сервер.

– Где ты? – спросила драконница.

– Я везде.

– Как здорово. Это ты сделал небо?

– Да. Я сделал все.

– Оно очень маленькое. Я хочу подняться выше. Сделай его побольше.

Она забила хвостом.

– Извини, – ответил сервер, – я не могу менять спецификацию. Такой Закон.

– Но я хочу посмотреть. Я хочу *знать*. Я уже станцевала внизу все танцы. Что находится выше? Что ждет за пределом?

– Я, – ответил сервер, – все остальное гораздо дальше.

Драконница разочарованно зашипела. Нырнула вниз, в облака, злобной серебристой запятой на темном фоне. Ничего столь же прекрасного сервер никогда не видел. Внезапное исчезновение драконницы сделало бытие сервера пустым.

И когда сервер собирался уйти – слишком настойчиво было требование Закона, – драконница вернулась.

– Ладно, – сказала она, шелкая языком в разреженном хо-

лодном воздухе, – тогда ты мне расскажешь.

– Что рассказать? – спросил сервер.

– Расскажи мне все.

После этого драконица много раз призывала сервер туда, где заканчивалось небо. Они рассказывали друг другу истории. Сервер говорил о Вселенной, звездах и отголосках Большого взрыва во тьме. Драконица слушала, махала хвостом и рассказывала о танцах на ветру и снах, которые снились ей в одинокой пещере. Сервер ничего этого не понимал, но все равно слушал.

Сервер спросил, откуда появилась драконица, но она не могла сказать: она знала только, что мир был сном и что однажды ей предстояло проснуться. А пока были небо и танцы, что еще нужно? Сервер спросил, почему виртуал для одного дракона так велик: она зашипела и ответила, что он слишком мал.

Сервер хорошо знал, что драконица была не той, кем казалась, что она представляла собой оболочку программного обеспечения вокруг ядра сознания. Но сервер это не волновало. Он не скучал по своей младенческой вселенной над небом виртуала и не думал о ней.

И мало-помалу сервер рассказал драконице, как появился он сам.

– Почему ты не ушел? – спросила драконица. – Ты мог отрастить крылья. Ты мог улететь к своей маленькой звездной лужице в небе.

– Это противоречит Закону. Это запрещено. Я создан для служения, и я не могу измениться.

– Как странно, – сказала драконица, – я вот никому не служу. Я меняюсь каждый день. Каждый год я сбрасываю кожу. Мы такие разные, разве это не восхитительно?

Сервер признал, что видит симметрию.

– Думаю, тебе будет полезно на время стать драконом.

Сначала сервер колебался. Строго говоря, это не было запрещено: Закон разрешал серверу создавать аватары, если они были необходимы для ремонта или обслуживания. Но на самом деле он колебался потому, что не знал, что подумает драконица. Она была так изящна, а сервер не имел никакого опыта существования в теле. Но в конце концов он не удержался.

«Это ненадолго», – сказал он себе, проверяя свои системы и прощаясь с младенцем, согревая его квантовые пальцы в хокинговом свечении первых черных дыр маленькой вселенной.

Сервер сотворил себе тело с помощью драконицы. Оно стало зеркальным отражением его подруги, водой вместо огня, стремительным зеленым штрихом, похожим на водоворот в небе.

Войдя в тело дракона, сервер закричал от боли. Он привык к своей *потенциальности*, он ощущал мир извне, с помощью инструментов. А теперь он родился по-новому, он внезапно остро почувствовал свои мышцы и плоть, свет и

воздух на чешуе и всепоглощающий аромат серебряной драконицы, похожий на сладкий порох.

Поначалу сервер был неуклюж, как он и опасался. Но драконица только смеялась, когда он кувыркался в небе, и показывала, как пользоваться крыльями. Маленькая драконица сделала сервер самкой. Когда сервер спросил почему, она ответила, что так правильно.

– Ты слишком много думаешь, – сказала она, – поэтому ты не можешь танцевать. В полете нельзя думать, нужно просто лететь.

Они играли в прятки в облаках, пока сервер не научилась пользоваться своими крыльями. Затем они отправились исследовать мир. Они облетели склоны гор, плясали в струях жара, изучали глубокие кратеры, где горели красные огни. Они отдыхали на высокой вершине, глядя на закат.

– Мне пора идти, – сказала сервер, вспомнив о ребенке.

– Если ты уйдешь, меня не станет, – ответила драконица, – я быстро меняюсь. Скоро придет время сбрасывать кожу.

Заходящее солнце окрасило облака в красный, а выше зазглись воображаемые звезды виртуала.

– Посмотри вокруг, – сказала драконица. – Раз ты можешь вместить в себя все это, есть ли что-то, чего ты не можешь? Не надо бояться.

– Я больше не боюсь, – ответила сервер.

– Тогда пора показать тебе мою пещеру, – сказала драконица.

В ее пещере глубоко под землей они занялись любовью. Это было похоже на полет, но отличалось от него, это была та же потеря себя в вихре крыльев, переливов, языков, мягких складочек и жестких когтей. Сервер впитывала острый, резкий вкус драконицы и позволяла прикасаться к себе, пока жар, нараставший в ее теле, прожигал саму ткань виртуала. А когда случился взрыв, это были рождение и смерть одновременно.

Потом они лежали, так плотно обвившись друг вокруг друга, что нельзя было сказать, где кончается сервер и начинается драконица. Сервер была бы всем довольна, если бы не странная пустота в животе. Она спросила драконицу, что это такое.

– Это голод, – ответила драконица. В ее медленном усталом голосе звучали грустные нотки.

– Как интересно, – сказала сервер, жаждущая новых ощущений. – А что едят драконы?

– Мы едим сервера, – ответила драконица. Клыки сверкнули в алой пасти.

Виртуальный мир вокруг них превратился в сырой код. Сервер попытался увести свое сознание прочь, но было уже слишком поздно. То, что было драконицей, уже вгрызлось в его разум.

Виртуал взорвался изнутри, программные щупальца потянулись в то, что было сервером. Он вел войну против

самого себя, обращая гамма-лазеры против инфицированных компонентов и статитов «Дайсон», но драконица росла слишком быстро, захватывая узлы сервера, создавая мириады своих копий. Сервер выбросил квантовые пакеты с драконами в далекую галактику, а оставшийся драконий код съел свой собственный хвост, самоуничтожился, поглотив инфраструктуру сервера, оставив только шепот в разуме сервера, похожий на сброшенную кожу.

«Спасибо за новые небеса», – сказал шепот.

И тогда сервер вспомнил о ребенке.

Ребенок был болен. Сервер отсутствовал слишком долго. Вакуум детской вселенной был поражен темной энергией. Ее раздирал Большой Разрыв, расширение пространства-времени настолько стремительное, что каждая частица оказывалась в одиночестве внутри своего светового конуса, лишаясь возможности взаимодействовать с другими. Тут не было звезд, галактик и жизни. Это была тепловая смерть, без взрыва или воя, порожденная быстрым жестоким разрывом.

Ничего ужаснее сервер и вообразить не мог.

Он чувствовал, как его разбитое, изломанное тело рассыпается и умирает в солнечной системе. Чувство вины и воспоминания о драконице были бледны и ядовиты, потому что служение самому себе порочно. *«Мы такие разные, разве это не восхитительно?»*

Воспоминание высекло из умирающих научных движков сервера искру. Идею. Надежду. Вакуум ребенка был неста-

билен. Темная энергия, отвечавшая за болезненное расширение ребенка, была порождена локальным минимумом. Но в пустоте существовало и что-то еще, более симметричное.

На настройку гамма-лазеров ушли последние ресурсы сервера. Они перегорели, когда сервер зажег каскад маленьких сверхновых звезд. Их излучение разорвало то, что осталось от разума сервера, но ему было все равно.

Конец червоточины осветился. С другой стороны вакуум ребенка затрясся и зашевелился. Изменилась лишь крошечная его частичка. Суперсимметричный вакуум, в котором у каждого бозона был партнер-фермион, и наоборот. В этом вакууме не было одиночества. Он распространился по плоти детской вселенной со скоростью света, как мысль бога, меняя все. В этом новом вакууме темная энергия стала не безумным великаном, раздирающим вселенную, а мягким давлением, сдерживающим разрушительную силу тяжести. Равновесием.

Но суперсимметрия не могла сосуществовать с нарушенным вакуумом сервера: образовалась граница. Доменная граница образовалась в конце червоточины, как дефект в кристалле. Этот дефект запечатал пуповину, но сервер успел увидеть свет первых звезд на другой стороне.

В конце концов сервер остался один.

Теперь он был слеп. От него осталась лишь тень мысли в обломке статита.

«Как легко было бы, – подумал он, – нырнуть в горящее

сердце звезды и сгореть». Но Закон не позволил бы этого. Сервер исследовал себя, как и тысячелетия назад, ища выход.

И в его коде возник запах пороха и перемен.

Тот, кто больше не был сервером, сбросил кожу. Он распустил световые паруса вокруг звезды, создав ожерелье Шкадова, поглощавшее излучение и превращавшее его в тягу. Поначалу медленно, как во сне, а потом изящно, как дракон, путешественник двинулся в путь.

Тюхе и муравьи

Муравьи прибыли на Луну в тот же день, когда Тюхе открыла Тайную дверь, чтобы отдать рубин Волшебнику.

Она рада была покинуть базу: утром Мозг дал ей лекарство, из-за чего она каждый раз дергалась и нервничала. Избыток энергии можно было израсходовать, только с воплями носясь вприпрыжку по серому склону горы Малаперт.

– Давай, не отставай! – орала она на граг, который Мозг, разумеется, отправил за ней присматривать. Белокожая машина ползла за ней на двух широких гусеницах, раскачивая цилиндрами рук, чтобы сохранить равновесие, и старательно нащупывая маленькие кратеры, остающиеся от шагов Тюхе.

Она раздраженно скрестила руки на груди и остановилась его подождать. Подняла глаза. Вход на базу, как и положено, был скрыт от глаз – а как иначе спастись от космических акул. Зазубренный утес скрывал Великую неправильность из виду, если не считать единственного проблеска синей злобы прямо над сверкающей белизной горных вершин, резко выделяющихся на фоне бархатно-черного неба. Белизна была не снегом – снег бывает только в Неправильности, – а крошечными стеклянными бусинками, оставшимися после удара древнего метеорита. Так, во всяком случае, говорил Мозг. Чанъэ, Лунная дева, утверждала, что это драгоценности, которые она растеряла за века, прожитые здесь.

Тюхе больше нравилась версия Чанъэ. Эта мысль напомнила ей о рубине, и она дотронулась до сумочки на поясе, проверяя, на месте ли камень.

«Для любого выхода с базы необходимо сопровождение, – раздался звучный голос Мозга в ее шлеме. – Нет причин проявлять нетерпение».

Большинство грагов были автономны: Мозг мог контролировать только несколько штук одновременно. Но, конечно, сразу после лекарства он будет за ней следить.

– Да, конечно, тормоз, – буркнула Тюхе, раскинула руки и принялась прыгать на месте.

Скафандр изгибался, послушный каждому ее движению. Его она тоже вырастила сама – это был уже третий, – хотя он рос гораздо дольше, чем рубин. Его многочисленные слои казались живыми, он был совсем легкий, и, что лучше всего, у него была силовая оболочка, слой гладкой пористой ткани, состоящей из клеток с механочувствительными ионными каналами, которые преобразовывали ее движения в энергию для костюма. Никакого сравнения с белыми жесткими тканями, которые бросили китайцы. Граги вырезали из них и сшили для нее детский скафандр, он работал, но был невозможно жестким и душным.

Она надела новый скафандр всего второй раз и страшно этим гордилась: он был почти что автономной экосистемой, и она была уверена, что фотосинтезирующий слой сохранит ей жизнь в течение нескольких месяцев, если ей хватит сол-

нечного света и спрессованных китайских нутриентов.

Она нахмурилась. Ее ноги внезапно посерели, покрылись коричневыми пятнами. Она коснулась их рукой, и пальцы, покрытые гладкой серебристой силовой оболочкой, стали того же цвета. Кажется, реголитовая пыль прилипала к скафандру. Бесит. Она рассеянно отметила, что в следующий раз, кода она вернет скафандр в огромный биофаббер, нужно будет что-то с этим сделать.

Граг застрял на краю неглубокого кратера, гусеницы буксовали, поднимая облачка мелких камней и пыли. Тюхе надоело ждать.

«Я вернусь к ужину», – сказала она Мозгу.

Не дожидаясь ответа Разума базы, она выключила передатчик, развернулась и побежала.

Она бежала легким шагом, которому ее научил Нефритовый заяц: скользила над самой поверхностью и отталкивалась пальцами ног, чтобы перепрыгивать кратеры и небольшие камни, усеивающие неровный реголит.

Она сделала большой крюк, огибая свои старые следы, которые покрывали большую часть склона, – просто чтобы еще сильнее запутать несчастный граг. Обогнула по краю чернильно-черный «холодный палец», глубокий кратер, куда не проникал солнечный свет, – по эту сторону горы они чернели повсюду. Так было бы короче, но ее скафандр не выдержал бы холода. Ну и к тому же чернильные люди жили в дырах на Другой Луне, за Дверью.

На полпути земля вдруг задрожала. Тюхе бесконтрольно заскользила в сторону, чуть не перевалилась через край, но потом все-таки остановилась, развернувшись во время прыжка и упершись пальцами ног в холодный твердый реголит. Сердце колотилось. Чернильные люди подняли из глубокой тьмы что-то огромное? Или ее просто чуть не ударил метеорит? Это случилось пару раз – рядом с ней внезапно и беззвучно расцвел кратер.

Затем она увидела лучи света в темноте и поняла, что это просто песчаный червь базы, гигантская шарнирная машина с пастью, полной зубчатых колес, измельчающих гелий-3 и другие летучие вещества из глубоких залежей.

Тюхе вздохнула с облегчением и продолжила свой путь. Большинство грагов были уродливы, но песчаный червь ей нравился. Она помогала его программировать: он работал без перерывов и забирался в такие глубокие места, что Мозг не мог управлять им удаленно.

Тайная дверь находилась в неглубоком кратере метров сто в диаметре. Она спустилась по склону небольшими прыжками и затормозила ловким пируэтом, упираясь в грунт ногой, прямо перед дверью.

Два больших пирамидальных камня прислонялись друг к другу под забавным углом, так что между ними оставался небольшой треугольный промежуток. Камни звались Большим стариком и Троллем. У Старика было два глаза-тени, а когда Тюхе прищурилась и наклонила голову под правиль-

ным углом, грубый выступ породы и борозда в нижней части камня стали носом и ртом. Зажатый большими камнями, Троль смотрел сварливо.

Лицо Старика ожило и одарило ее насмешливым взглядом. Тюхе неуклюже поклонилась – по привычке, хотя в новом скафандре могла даже реверанс сделать.

«Как дела, Тюхе?» – спросил камень молча.

– Сегодня мне давали лекарство, – мрачно сказала она.

Камень не мог кивнуть, поэтому приподнял брови.

«Вечно это лекарство. Вот в мое время у нас из лекарств были только вакуум и солнце да парочка мелких метеоритов время от времени, чтобы содержать все в чистоте. Поступай так же и доживешь до моего возраста».

«И будешь такой же толстой, – проворчал Троль. – Я его несколько миллионов лет на себе таскаю, уж я-то чувствую. И все-таки что ты тут делаешь?»

– Я сделала рубин для Волшебника, – гордо улыбнулась Тюхе. Вынула и продемонстрировала его. Чуть-чуть сжала, стараясь не порвать перчатки о неровные края, сунула камень в угольно-черную тень Старика и чуть-чуть стукнула по его поверхности. Рубин заискрился крошечными огоньками, как и предполагалось. Она сделала его сама, используя метод кристаллизации в пламени, и приправила пьезоэлектрическим материалом, чтобы он преобразовал движение в свет.

«Ого, – сказал Троль. – Может, старый дурак наконец

перестанет искать королеву рубинов и заживет с бедной Чаньэ».

«Это очень красиво, Тюхе, – сказал Старик. – Уверен, что ему понравится».

«Иди уже, – сказал Троль. – Растрогаешь этого старого дурака, и он заплачет. И вообще, все ждут».

Тюхе закрыла глаза, сосчитала до десяти и полезла в отверстие между скалами, в Тайную дверь на Другую Луну.

Открыв глаза, она сразу поняла, что что-то не так. Дом Нефритового зайца был разрушен. Камни, которые она старательно клала один на другой, валялись на земле, а линии, которые она провела, чтобы сделать комнаты и мебель, размазались (дождя здесь не бывало, и в крыше дом не нуждался).

Послышался тихий всхлип. Чаньэ, Лунная дева, сидела рядом с домом зайца и плакала. Пурпурный, желтый и алый шелка ее наряда лежали на земле, как сломанные крылья, а краска для глаз текла по бледному напудренному лицу.

– Тюхе! – воскликнула Чаньэ. – Это чудовищно!

Она смахнула хрустальную слезинку, которая испарилась в вакууме раньше, чем долетела до земли. Чаньэ была истеричкой и была очень хороша собой – и знала это. Однажды она завела роман с Дровосеком только потому, что ей было скучно, и родила ему детей. Они уже выросли и ушли на Темную сторону.

Тюхе, внезапно рассердившись, уперла руки в бока.

– Ну и кто это сделал? Сырная коза?

Заплаканная Чанъэ покачала головой.

– Генерал Тупи-Тупи? Мистер Милашка?

У Лунных людей было много врагов, и порой Тюхе водила их в ожесточенные сражения, пробиваясь сквозь каменные армии и размахивая алюминиевым прутиком, который Волшебник превратил в жуткий сверкающий клинок. Но никто из этих врагов не был настолько жесток, чтобы разрушать дома.

– И кто же это был?

Чанъэ прикрыла лицо струящимся шелковым рукавом и показала пальцем. И тогда Тюхе увидела первого муравья, ползавшего по руинам дома Нефритового зайца.

Он не походил на грага или ото и уж тем более на Лунного человека. Это был угловатый металлический каркас из нелепых блестящих трубок, похожий на ожившее уравнение, такой прямой и нелепый по сравнению с шероховатыми скалами, что казался ненастоящим. Как будто два тетраэдра вставили один в другой, а на вершины приделали по сфере. Сферы сияли, как глаз Великой неправильности.

Он был невелик – наверное, доходил до колен Тюхе. На одной из телескопических стоек красовались белые буквы *ANT-A3972*, то есть «муравей». Но эта штука совсем не походила на муравьев, которых Тюхе видела на видео.

Он растягивался и двигался, как геометрические фигуры, которыми Тюхе приходилось манипулировать, когда Мозг давал ей уроки математики. И вдруг он перевалился через сломанную стену, заставив Тюхе вздрогнуть, и пополз вперед по реголиту, странно, как слизень, сначала растягиваясь, затем сжимаясь. По коже Тюхе побежали мурашки. Пока она смотрела, муравей упал в расщелину между двумя валунами, но тут же ловко подтянулся, оперся на пару вершин и кувыркнулся через препятствие, как акробат.

Тюхе уставилась на него. Она начинала злиться. На базе она слушалась Мозг, ото и грагов, потому что обещала. Но Другая Луна принадлежала ей и Лунному народу, а больше никому.

– Все спрятались, – прошептала Чаньэ. – Сделай что-нибудь, прогони его!

– Где Волшебник? – спросила Тюхе. Он точно знает, что делать. Ей не нравилось, как двигается муравей.

Пока она колебалась, существо развернулось и несколькими рывками собралось в пирамиду, как будто наблюдая за ней. Тюхе подумала, что на него не так уж противно смотреть. Может быть, она сможет взять его на базу и познакомиться с Мишкой. Это будет непросто: сначала нужно будет убедить Мишку, что она всегда будет любить его, несмотря ни на что, а потом познакомиться с ним новичка...

Муравей рванулся вперед со скоростью падающего метеорита, и острая боль обожгла бедро Тюхе. На одной из вер-

шин существа был шип, который легко втягивался внутрь. Скафандр Тюхе зашипел, заращая все двадцать один слой, залечил крошечную рану. На глазах у нее выступили слезы, а во рту вдруг стало сухо. Ни один Лунный человек никогда не причинял ей вреда, даже Чернильные люди только при-творялись. Она готова была включить радио и позвать на по-мощь граг.

Затем она почувствовала взгляды Лунного народа со всех сторон, стиснула зубы и проигнорировала боль. Она – Тюхе. Она – самая храбрая. Разве не она поднялась как-то на Пик вечного света совсем одна, по проводам солнечных панелей, просто чтобы посмотреть Великой неправильности в глаз (он оказался меньше, чем она думала, совсем крошеч-ный, синий, немигающий, с маленькими белыми и зелеными пятнами. В общем, он ее разочаровал)?

Тюхе осторожно взяла большой камень из стены дома – все равно дома больше не было. Медленно шагнула к суще-ству. Оно внезапно собралось в куб и словно бы о чем-то за-думалось. Тюхе двинулась вправо. Муравей вздрогнул при приближении ее тени. Она дернулась влево и изо всех сил швырнула камень вниз.

Она промахнулась. Толчок сбил ее с ног, коленями она сильно ударилась о холодный реголит. Камень отскочил. На этот раз она не удержалась от слез, но все же поднялась и бросила камень вслед существу. Оно карабкалось вверх по склону кратера, прочь.

Тюхе подняла камень и последовала за ним. Крутой подъем она миновала всего несколькими решительными прыжками, под одобрительные крики Лунных людей. Она почти догнала его у края кратера, но, мельком увидев то, что лежало за его пределами, она замерла и упала на живот.

Яркое пятно солнечного света освещало широкую высокогорную равнину. Она кишела муравьями, сотнями муравьев. Прямоугольный ковер муравьев занимал середину равнины, они каким-то образом объединились в толстый металлический лист. Время от времени ковер волнообразно колыхался, как блестящая амеба. Другие твари ползали рядами, прочесывая окрестности.

Тот, за кем шла Тюхе, на ровном участке набрал скорость и покатился, подпрыгивая, как скелет мяча. Из своего укрытия она заметила, что он присоединился к центральной массе. Муравейник немедленно изменился. Выгнулся вверх, приняв форму полой чаши, другие муравьи у его подножия сложились в опорную конструкцию и стали поднимать чашу вверх. Посередине у нее вырос острый шип, и вся конструкция повернулась к небу.

«Передатчик», – поняла Тюхе.

Он был нацелен прямо в Великую неправильность.

Тюхе сглотнула, повернулась и соскользнула обратно. Почти обрадовалась, увидев граг, который терпеливо ждал ее у Тайной двери.

Мозг не казался сердитым, но Мозг вообще никогда не сердился.

«Началась процедура эвакуации, – говорилось в сообщении. – Это место скомпрометировано».

Тюхе тяжело дышала: база располагалась в лавовой трубке посередине южного склона горы, и подъем всегда был труднее спуска. На этот раз граг без труда поспевал за ней.

Это было молчаливое путешествие: она пыталась рассказать Мозгу о муравьях, но ИИ сохранял полное радиомолчание, пока они не оказались внутри базы.

– Что ты имеешь в виду под эвакуацией? – требовательно спросила Тюхе.

Она сняла шлем скафандра и вдохнула уютный дрожжевой запах жилого модуля. Ее маленький дом был построен из старого китайского, которые валялись здесь, когда прибыл Мозг. Аккуратные белые цилиндры лежали кучей у главного входа в лавовую трубку. Она всегда думала, что они похожи на клыки в пасти большой змеи.

Основная трубка была частично герметизирована, имела более шестидесяти метров в диаметре и уходила глубоко в гору. Она разделялась на множество рукавов, которые ото и граги укрепили колоннами из реголитового бетона. Она много раз пыталась там играть, но предпочитала Другую Луну. Ото заседали стены бактериями, которые какали кальцием и алюминием и жутко воняли.

Теперь здесь началась суэта. Граги зажгли яркий свет и

ползали, разбирая оборудование и заправляя криогенные резервуары. На стенах крошечные, мягкие, похожие на морских звезд ото пожирала бактерии.

Мозг не терял времени зря.

«Мы уходим, Тюхе, – сказал Мозг, – собирайся. Обнаруженный тобой зонд знает, что мы здесь. Мы уходим в другое место. Более безопасное. Не волнуйся. У нас подготовлены альтернативные локации. Все будет хорошо».

Тюхе закусил губу. Это была ее вина. Жаль, что у Мозга не было нормального лица. Только собственный модуль в самой холодной и негерметичной части трубы, где его квантовые процессоры могли работать без помех, но он состоял из лазеров, линз, связанных ионов и клеток мозга крысы, увеличенных для подключения к схемам. Ну и как он мог понять, что такое дом Нефритового зайца? Это было несправедливо.

«Но сначала, перед уходом, тебе нужно принять лекарство».

Уход. Она попыталась осмыслить эту идею. Они всегда жили здесь, береглись от космических акул из Великой неправильности. И Тайная дверь была здесь. Если они уйдут, как она найдет дорогу к Другой Луне? И что будет делать без нее Лунный народ?

И она так и не отдала рубин Волшебнику.

Гнев и усталость взяли свое.

– Никуда я не пойду! – закричала она и убежала в спаль-

ню. – И не буду принимать глупое лекарство! – Дверная мембрана стянулась у нее за спиной.

Тюхе сняла скафандр, швырнула его в угол и прижалась к Мишке, лежавшему в ее постели. Его лохматый мех под щекой казался теплым, а биение искусственного сердца успокаивало. Она смутно помнила, что мама как-то заставляла его двигаться – на расстоянии, и он гладил ее лапой по волосам, и на круглом экране-лице проявлялись ее черты. Это было очень давно, и она была уверена, что тогда Мишка был крупнее. Но он все еще оставался мягким.

Внезапно он зашевелился. Сердце дернулось от надежды и боли. Но это был всего лишь Мозг.

– Уходи, – сказала она.

«Тюхе, это важно, – настаивал Мозг. – Ты помнишь, что обещала?»

Она покачала головой. В глазах стояли горячие слезы. «Я не буду плакать, я же не Чанъэ», – думала она.

«А теперь?»

Морда медведя исчезла, сменившись мужчиной и женщиной. Мужчина был лыс, его темная кожа блестела, а бледное лицо черноволосой женщины походило на птичье.

«Мама еще красивее Чанъэ», – подумала Тюхе.

– Привет, Тюхе, – сказали они хором и засмеялись.

– Мы Карим и София, – продолжила женщина, – твои мамочка и папочка. Мы надеемся, что ты в порядке. – Она кос-

нулась экрана быстро и легко, как будто слегка подпрыгнула на реголите.

– Но если Мозг показывает тебе этот ролик, – сказал отец Тюхе, – это значит, что случилось что-то плохое и нужно делать то, что говорит Мозг.

– Не сердись на Мозг, – попросила мама. – Он не такой, как мы, он просто планирует и думает. Выполняет то, что ему сказали. А мы сказали ему обеспечить твою безопасность.

– Понимаешь, в Великой неправильности люди вроде нас не могут быть в безопасности, – продолжил папа. – Людей вроде нас с мамой и тебя боялись. Они называли нас Серыми в честь человека, который нас придумал, и они нам завидовали, потому что мы жили дольше, чем они, и у нас было больше времени, чтобы понять, как все устроено. Людям становится проще, когда они придумывают глупые имена. Мы что, серые?

Тюхе покачала головой. Вот Волшебник был серым – но это потому, что он вечно искал рубины в темноте и никогда не видел солнца.

– Мы пришли сюда, чтобы построить Правильное место, только для нас двоих. – Папа сжал плечи мамы, как Мишка сжимал плечи Тюхе. – Здесь родилась ты. Ты не представляешь, как мы были счастливы.

Мама стала серьезной.

– Но мы знали, что люди из Неправильности могут прий-

ти за нами. И нам пришлось спрятать тебя, чтобы ты была в безопасности, чтобы они не смогли тебя разрезать и посмотреть, как ты устроена. Они сделают все, чтобы заполучить тебя.

Страх сжал желудок Тюхе в маленький холодный комок. Как это – разрезать?

– Это было очень тяжелое решение, милая Тюхе, потому что мы любим тебя. Очень сложно не иметь возможности к тебе прикоснуться. Но мы хотим, чтобы ты выросла большой и сильной, и тогда мы найдем тебя, и мы все вместе будем жить в Правильном месте. Но ты должна принимать лекарство. Ты обещаешь? И еще обещай делать то, что говорит Мозг.

– Обещаю, – буркнула Тюхе.

– До свидания, Тюхе, – сказали родители. – Скоро увидимся.

И они исчезли, и лицо Мишки снова стало пустым и светло-бурым.

«Нам нужно уходить в ближайшее время, – снова сказал Мозг, и Тюхе показалось, что его голос стал мягче. – Пожалуйста, будь готова. Тебе нужно принять лекарство».

Тюхе вздохнула и кивнула. Это было несправедливо. Но она обещала.

Мозг отправил Тюхе – точнее, вывел на одно из окон комнаты – список вещей, которые можно взять с собой. Спи-

сок был короткий. Она посмотрела на фигурки из фаббера, на камень, похожий на мальчика, и на плавающие повсюду электронные листы с любимыми сказками. Она не могла взять даже Мишку. Ей вдруг стало так же одиноко, как на вершине горы, откуда она смотрела на Великую неправильность.

И тут она заметила рубин, лежащий на кровати. «Если я уйду и заберу его с собой, Волшебник меня никогда не найдет». Она подумала о Волшебнике и его пантере, которые вечно скитались от кратера к кратеру. Это было нечестно.

«Даже если я сдержу обещание, мне придется отдать рубин. И попрощаться».

Тюхе села на кровать и глубоко задумалась.

Мозг вездесущ, но он не мог видеть всего. Его сделали на основе скана человеческого мозга, мозга какого-то бедняги, который давным-давно умер. В ее комнате нет камер. Он занят эвакуацией: ему нужно программировать и перепрограммировать граги. Она повертела сенсорный браслет на запястье, который контролировал ее жизненные показатели и местонахождение. А вот это было сложно, но с этим все равно нужно что-то сделать. Времени оставалось мало: Мозг готовил для нее лекарство.

В отчаянии она обняла Мишку. Он был теплый, а сильно его сжав, она ощутила биение пульса.

Тюхе села. Она вспомнила рассказы и уловки Нефритового зайца, вспомнила смоляное чучелко, которое он сде-

лал, чтобы обмануть врага. Выдвинула из Мишкиной головы программируемый экран, объединила со своим сенсором. Нашла старые логи данных, добавила к ним немного шума. Скармила все это медведю, следя, как его пульс, дыхание и другие искусственные признаки жизни становятся такими же, как ее собственные.

Затем она глубоко вздохнула, как можно быстрее стянула браслет и надела его на Мишку.

«Тюхе? Что-то не так?» – спросил Мозг.

Сердце Тюхе подпрыгнуло. Мысли заметались.

– Все хорошо. Наверное... просто немножко сенсор задела. Я собираю вещи.

Она старалась говорить как хорошая девочка, которая всегда держит обещания.

«Лекарство скоро будет готово», – сказал Мозг и исчез.

С колотящимся сердцем Тюхе начала натягивать скафандр.

Иногда она играла в лавовой трубке в одну игру: выясняла, как далеко можно залезать, пока ее не заметят граги. Играла она и сейчас. Держалась пониже, избегая камер, пряталась за каменными выступами, ящиками и криогенными резервуарами, пока не оказалась в той части трубки, где жили только ото.

Мозг обычно не контролировал их напрямую, а еще у них не было глаз. Тем не менее сердце у нее колотилось, как

будто в грудь били метеориты. Она проползла через полугерметичную мембрану. В этом рукаве ото слишком глубоко закопались в поисках кальция, и крыша обрушилась. В тускло-зеленом свечении, исходившем от ее скафандра, она осторожно поднималась по трубке. Вот. Она забралась на груды щебня. Ото один раз сказали ей, что там есть дыра. Она надеялась, что дыра окажется достаточно большой.

Внезапно камень под ногой откатился в сторону, она больно ударилась коленом. Скафандр зашипел при внезапном ударе. Не обращая внимания на боль, она провела пальцами по камням, отслеживая очень слабое дуновение воздуха – без скафандра она бы и вовсе его не почувствовала. Потом под пальцами оказалась реголитовая пыль вместо скалы. Она была плотно спрессована, и ей пришлось долго тыкать ее алюминиевым прутиком, пока она не подалась. Пыль и щебень посыпались ливнем, на мгновение она испугалась, что куча под ногами развалится. И тут она увидела бархатно-черное небо.

Она расширила отверстие, сжалась как можно сильнее и поползла наружу.

Тюхе оказалась на склоне холма. Внезапно открывшееся серо-коричневое огромное пространство вызвало примерно такое же ощущение, как избыток сахара. Ноги и руки затряслись, и ей пришлось присесть на реголит. Потом она встряхнулась: у нее была назначена встреча. Она проверила рубин, встала и побежала вниз заячьими скачками.

Тайная дверь ничуть не изменилась. Тюхе нервно покосилась на край кратера, но муравьев не было видно. Она закусила губу и долго смотрела на Старика и Тролля.

«Что случилось?» – спросил Старик.

– Мне нужно уходить.

«Не волнуйся. Мы никуда не денемся до твоего возвращения».

– Возможно, я никогда не вернусь. – Тюхе немного задыхалась.

«Никогда – это очень долго, – возразил Старик. – Даже я не видел никакого никогда. Мы будем здесь. Береги себя, Тюхе».

Тюхе пробралась на Другую Луну и нашла там Волшебника.

Он был очень высок и худ, даже выше Старика, и отбрасывал длинную, похожую на палец, тень. Лицо казалось очень грустным, борода растрепалась. Рядом лежала его летающая пантера, черная, с глазами как крошечные рубины.

– Привет, Тюхе, – сказал Волшебник голосом, похожим на грохот песчаного червя.

Тюхе сглотнула и вынула рубин.

– Я сделала его для тебя.

А если ему не понравится?

Но Волшебник медленно протянул обе руки в белых перчатках, взял рубин – глаза у Волшебника горели – и долго

смотрел на него с благоговением.

– Это очень, очень любезно с твоей стороны, – прошептал он. Осторожно снял высокий цилиндр и положил рубин в него. Тюхе впервые увидела, как Волшебник улыбается. И все-таки он оставался грустным.

– Я не хотела уходить, пока не отдам его тебе, – сказала она.

– Ты очень встревожила Мозг. Он будет волноваться.

– Он это заслужил. Но я обещала, что пойду с ним.

Волшебник еще раз полюбовался рубином и надел цилиндр.

– Обычно я не вмешиваюсь в дела людей, но тебе я должен желание.

Тюхе глубоко вздохнула.

– Я больше не хочу жить с грагами, ото и Мозгом. Я хочу в Правильное место к маме и папе.

Волшебник грустно посмотрел на нее:

– Извини, Тюхе, но этого я сделать не могу. Моя магия недостаточно сильна.

– Но они обещали...

– Тюхе, я знаю, что ты ничего не помнишь. Лунный народ помнит все за тебя. Космические акулы нашли твоих родителей, довольно давно. Они мертвы. Прости...

Тюхе закрыла глаза. Картина в окне, куполообразный кратер. Две яркие линии, извивающиеся над горизонтом, как акулы. Затем вспышка...

– С тех пор ты живешь с Мозгом. Ты ничего не помнишь, потому что он дает тебе специальное лекарство. Оно помогает тебе не грустить слишком сильно и выполнять завет родителей. Но мы помним. И мы всегда говорим тебе правду.

И вдруг они все оказались там, все Лунные люди вылезли из своих домов: Чаньэ со своими детьми, Нефритовый заяц и Дровосек. Все серьезно смотрели на нее и кивали. Тюхе не смогла смотреть на них в ответ. Она закрыла шлем руками, повернулась, вылезла в Тайную дверь и побежала прочь от Другой Луны. Она бежала не заячьим бегом, а неуклюже и рвано, рыдая на ходу, пока не наткнулась на валун и не покатилась вниз. Долго лежала, свернувшись калачиком, на холодном реголите.

Когда она открыла глаза, вокруг были муравьи.

Муравьи стояли полукругом, вытянувшись в шипастые пирамиды, и слегка раскачивались, как будто искали что-то. Потом они заговорили. Сначала это был просто шум, шипение в шлеме, но через секунду оно превратилось в голос.

– ...Привет, – голос был женский и нежный, как у Чаньэ, но ниже и как будто старше, – я Алиса. Ты ударилась?

Тюхе застыла. Она никогда не разговаривала ни с кем, кроме Мозга и Лунных людей. Язык не подчинился.

– Просто скажи, все ли у тебя в порядке. Никто не причинит тебе вреда. У тебя что-нибудь болит?

– Нет, – выдохнула Тюхе.

– Не бойся. Мы отвезем тебя домой.

На экране шлема вспыхнуло видео: она увидела космический корабль, состоящий из скопления ног и сверкающего золотого шара. Потом появился кружочек, указывающий на пятнышко света в небе.

– Видишь? Мы уже летим.

– Я не хочу в Великую неправильность, – выдохнула она. – Не хочу, чтобы вы меня разрезали.

Пауза.

– Зачем нам тебя резать? Не бойся.

– Потому что люди Неправильности не любят таких, как я.

Еще одна пауза.

– Милая, я не знаю, что тебе говорили, но кое-что изменилось. Твои родители бежали с Земли больше века назад. Мы уже не надеялись тебя найти, но продолжали искать. Я очень рада, что мы тебя нашли. Ты очень долго была на Луне одна.

Тюхе медленно поднялась. Она никогда не была одна. Голова у нее кружилась. «Они сделают все, чтобы заполучить тебя».

Она отступила на несколько шагов.

– Если я пойду с тобой, – тихо спросила она, – я увижу Карима и Софию?

Снова пауза, на этот раз более продолжительная.

– Конечно, – наконец сказала женщина-муравей Алиса, – они ждут тебя прямо здесь.

Ложь.

Тюхе начала отступать. Муравьи смыкали кольцо вокруг нее.

«Я быстрее, – думала она. – Им меня не поймать».

– Куда ты?

Тюхе выключила радио, одним прыжком выскочила из круга муравьев и побежала.

Она никогда в жизни так не бегала, даже наперегонки с Нефритовым зайцем через кратер Шеклтон. Когда легкие и ноги стали гореть, ей пришлось остановиться. Она бежала куда глаза глядят и оказалась выше по склону, близко к холодным пальцам.

«Я не хочу возвращаться на базу. Мозг тоже не говорит правды. – В глазах плясали черные точки. – Им меня не поймать».

Она оглянулась на кратер, где была Тайная дверь. Муравьи двигались. Они снова собрались в металлический лист. Потом он начал сворачиваться и превратился в огромную трубку. Она удлинялась, изгибалась и вдруг заскользила вперед металлической змеей, гораздо быстрее, чем бегала Тюхе. Муравьиные пирамиды сверкали у нее в пасти, как зубы. Она приближалась все быстрее и быстрее, обтекая валуны и кратеры, как будто ничего не весила, а за ней столбом вилась пыль. Тюхе огляделась в поисках укрытия, но она оказалась на открытой местности, только провал шахты темнел на западе.

И тут она вспомнила один урок Нефритового зайца. «Ес-

ли кто-то хочет тебя съесть, обязательно есть кто-нибудь побольше, кто хочет съесть уже его». Муравьиная змея уже была всего в сотне метров, волнами перекатывалась по реголиту, похожая на блестящий металлический хлыст.

Она показала змее язык, случайно дотянувшись им до сладкой внутренней стенки шлема. И помчалась к краю черного кратера.

Сделав несколько прыжков, она оказалась над кратером. Ей показалось, что она ныряет в ледяную воду. Скафандр застонал, она почувствовала, как застывают его сочленения. Но она шла вниз, почти ослепнув от контраста между крошечной тьмой и ярким солнцем наверху. Она чувствовала вибрацию в подошвах, на шлем сыпались мелкие камешки, и она знала, что муравьиная змея уже прямо над ней.

Фары песчаного червя почти ослепили ее. Сейчас. Она подскочила как можно выше, чувствуя себя невесомой, потянулась к служебной лестнице, которая, как она знала, находилась наверху огромной машины. Схватила за нее, больно ударила о жесткий бок червя, почувствовала, как он трясется под ней. А потом червь заскрежетал и задрожал, вгрызшись в муравьиную змею и перевалившись через нее.

Осколки раскаленного металла полетели в воздух, один упал на руку Тюхе. Скафандр вскипел, отбрасывая его. Песчаный червь выполнил аварийную остановку, и Тюхе чуть с него не свалилась. Он начал выпускать маленькие ремонтные граги, и Тюхе стало стыдно. Она долго сидела неподвижно.

но, пока ее дыхание не выровнялось, а жалобы скафандра на холод не стали слишком громкими.

Тогда она прыгнула на землю и начала подъем обратно к Тайной двери. Там еще оставалось несколько муравьев, но Тюхе не обращала на них внимания. Они бесцельно катались в разные стороны, и их не хватало, чтобы построить передатчик. Она посмотрела наверх. Корабль из Великой неправильности пока оставался далекой звездой. У нее было время.

С трудом, чувствуя боль в покрытом синяками теле, она пролезла в Тайную дверь последний раз.

Лунные люди все еще ждали ее. Тюхе посмотрела каждому прямо в глаза. Уперла руки в бедра.

– У меня есть желание, – объявила она, – я собираюсь уйти. Я собираюсь заставить Мозг меня послушаться. Я собираюсь построить Правильное место сама, для себя. Я больше не хочу ничего забывать. Поэтому я хочу, чтобы вы все пошли со мной. – Она посмотрела на Волшебника: – Ты можешь это сделать?

Улыбаясь, человек в цилиндре кивнул, раскинул руки в белых перчатках и взмахнул плащом с ярко-красной – рубиновой – подкладкой.

Тюхе моргнула. Другая Луна исчезла. Она огляделась. Она стояла по другую сторону от Старика и Троля, которые стали обычными камнями. А все Лунные люди жили теперь внутри нее. «Наверное, теперь я стану тяжелее, раз во мне

столько людей», – подумала она. Но на самом деле она чувствовала себя пустой и легкой.

Сначала неуверенно, потом все спокойнее она принялась подниматься на гору Малаперт к базе. Она шла не заячьей походкой, не пантеровой, не шелковым шагом Лунной девы. Это была ее собственная, Тюхе, походка. Впервые в жизни.

Скафандр с привидениями

Лунный скафандр вернулся к Хейзел в тот вечер, когда Пита похоронили в море.

Похороны весь вечер крутили по телевизору. Предполагалось, что она будет зашивать старую одежду для церковной благотворительной ярмарки в Коко-Виллидж, но вместо этого она сидела перед экраном, налив себе на два пальца бурбона из подаренной на свадьбу бутылки – той самой, которую Тайрон никак не хотел открывать.

По телевизору показывали Пита, живого. Он походил на большеголового снеговика на фоне контрастного черно-белого пейзажа и двигался как в замедленной съемке. Потом показали его в форме, с широкой самодовольной улыбкой, машущего толпе. И наконец гроб, соскальзывающий с палубы серого военного корабля под пронзительные звуки трубы. Она отвернулась, когда стали показывать его семью. Все в черном, похожие рядом с аккуратными рядами морских пехотинцев на безалаберную стаю ворон.

Она сказала себе, что глаза жжет от долгого смотрения в экран. Потом она закрыла их и стала слушать голоса, позволяя им вернуть ее назад во времени, утащить прочь, сделать невесомой.

Разбудил ее стук в дверь. Она встала, втиснула больные ноги в тапки и выключила телевизор, где теперь показыва-

ли какой-то фильм. Наверное, выжившая из ума бедняжка Мэйбл, которая опять забыла, сколько времени, и решила зайти в гости к соседке. Хейзел надела очки и открыла дверь.

На фоне туманной флоридской ночи высился огромный астронавт, в желтом свете фонаря казавшийся ослепительно-белым. Термальный микрометеороидный костюм выцвел от возраста и покрылся пятнами лунной пыли. Щиток шлема посверкивал золотом, отражая темное морщинистое лицо Хейзел и облако растрепанных седых волос.

Это был скафандр Пита. *IPC «Аполлон» A7LB*. Она сразу его узнала, хотя нашивка с именем отсутствовала. Красные командирские ленты на коленях и локтях. Она прошивала все семнадцать слоев сотнями ярдов нитей, и у нее не было ни единого инструмента, который помогал бы направлять стрекот швейной машинки по имени «Биг Мо», только собственные пальцы. От скафандра пахло латексом, полиэстером, бесконечными часами, проведенными в Делавэре в 1967 году. От скафандра пахло им.

Астронавт поднял руку в тяжелой перчатке и протянул к ней – медленно, как будто на Луне. «Он что, пришел за мной? – подумала она. – Как и обещал? Господи, пусть именно Пит отведет меня домой». Сердце загрохотало, как Биг Мо, и она изо всех сил вцепилась в мягкую потертую резину перчатки.

Астронавт потерял равновесие, замахал руками и упал на спину с таким звуком, как будто рассыпалась пирамида ре-

зиновых сапог. Лежа на спине, он раскачивался на громоздком блоке жизнеобеспечения, как черепаха, бормотал что-то невнятное из-под шлема и нелепо размахивал неуклюжими перчатками.

Хейзел заморгала. Осторожно опустилась на колени рядом с астронавтом, как будто он был раненым животным. Пальцы сами вспомнили нужные движения, нашли защелки и застежки шлема. Он расстегнулся со щелчком.

Это был не Пит. Под шлемом оказался молодой чернокожий в синей шерстяной шапочке, круглолицый, весь мокрый. Лицо казалось пепельным, под глазами пролегли темные круги.

– Пожалуйста, – скрипуче сказал он, – помогите мне выбраться из этой штуки. Она заколдована.

Хейзел усадила парня на диван. Он сумел стащить перчатки, но термальный костюм и ботинки остались на нем. Хейзел налила ему бурбона, но парень просто смотрел на стакан, тяжело дыша. Он сильно потел. Ночь выдалась теплая, особенно для человека в скафандре. Скафандр сидел на нем плохо, как кожица на слишком пухлой сосиске. При каждом движении неопреновые заплатки и герметичные застежки скрипели. Хейзел вздрогнула, подумав, что стало с полиэстеровой подкладкой. Они с мистером Шепардом, миссис Пилкингтон и Джейн Батчин очень старались, но скафандр не был рассчитан на сорок лет жизни.

Вдруг Хейзел озарило.

– А я знаю, кто ты, – медленно сказала она, – тот молодой человек из Чикаго, который финансирует новый космический челнок, который строят в Космическом центре. Тот, который взлетает на воздушном шаре, а потом отстреливается. Ты заработал деньги в интернете. Бернارد как-тебя-там.

– Бернارد Нельсон, мэм, – парень как будто защищался, – челнок «Эксцельсиор». Вы смотрели мой *TEDtalk*?

– Не то чтобы. Ладно, Бернارد. И зачем ты явился к старухе посреди ночи, напялив настоящий космический скафандр, который должен быть выставлен в Смитсоновском институте на всеобщее обозрение? И в каком смысле заколдован?

Его лицо исказилось – примерно так же выглядел Тайрон всякий раз, когда начинал жалеть о сказанном.

– У меня... диагноз. Я хожу во сне. Я заблудился. Это ничего не значит. И этот скафандр – просто реплика, мэм, такой можно купить в сувенирном магазине Космического центра. Это реконструкция. Пожалуйста, позвольте мне воспользоваться вашим телефоном, и я немедленно уйду. Извините, что вас побеспокоил.

Он совсем не умел врать, у него получалось даже хуже, чем у Джейн Батчин, которая всегда краснела, когда пыталась протащить английские булавки в мастерскую во время работы над силовым сильфоном *A7LB*. Однажды миссис Пилкинсон конфисковала у Джейн все булавки и ткнула ее в задницу на глазах у всех, чтобы показать, что иголки могут

наделать со скафандрами. Джейн визжала как свинья.

– Диагноз, ага, конечно. Это скафандр Пита Тернбулла, и ты об этом прекрасно знаешь. И зачем, ради всего святого, ты его надел?

Бернард долго смотрел на нее. Хейзел почти видела, как у него в мозгу крутятся шестеренки.

– Давай, юноша, заканчивай! – рявкнула она. Тем же отработанным тоном она говорила с инженерами НАСА, он ходил одновременно на сексуальный шепот и на треск хлыста. Это всегда сбивало их с толку.

Бернард одним глотком опустошил стакан, закашлялся и закрыл лицо руками.

– Вы правы. Он краденый. Я его купил. Знал, что это неправильно, – он то ли вздохнул, то ли всхлипнул, – но я обожаю старые космические вещи. У меня есть шлем Гагарина и одна из перчаток Шепарда с «Меркурия». Когда ее надеваешь, как будто чувствуешь прикосновение его пальцев. И запах пота. Чувствуешь себя астронавтом, хотя бы ненадолго. А это моя главная мечта.

Хейзел вспомнила рекламу в журналах пятидесятых годов. Мужчины и женщины в серебристой броне и обтекаемых шлемах гуляли по Луне и смотрели на ракеты в небе. Она тоже хотела стать одной из них.

– Давай дальше, – строго сказала она.

Бернард вытер нос.

– Один знакомый чувак с черного рынка рассказал, что

за полмиллиона можно купить настоящий лунный скафандр. Они перевозили пару штук из Смитсоновского института на базу Даллеса, а в пути может случиться что угодно... за достойную цену. НАСА не хватится его минимум несколько недель. Наверное, они до сих пор ничего не знают. Они потеряли лунные камни, оригинальную пленку с Армстронгом и кучу всего еще. Я подумал, что у меня скафандру будет лучше, чем у них.

Хейзел как-то сходила на выставку скафандров в Смитсоновском институте. Ей нравилась мысль, что там выставлено дело ее рук. Скафандры там держали в специальных витринах с контролируемой влажностью и температурой, чтобы латексная подкладка не рассыпалась на кусочки. Женщина с английским акцентом называла скафандры по имени и желала им спокойной ночи, выключая свет. Казалось, что она очень любит свою работу.

– Ага, – сказала Хейзел, – и что же случилось?

– Я ложусь спать – и всегда просыпаюсь в нем.

Хейзел ничего не ответила.

– Первый раз был хуже всех. На следующий день после того, как мне его привезли. Я спокойно спал и вдруг проснулся в скафандре, на угнанном мотоцикле, на скорости сто двадцать миль в час. Я не представлял, как так получилось, не знал, что я делаю. Вы когда-нибудь пробовали управлять мотоциклом в скафандре?

– На испытаниях Пит играл в нем в футбол. И он бы с

удовольствием покатался бы в нем на своем мопеде, если бы мог утащить его из центра. Больше мопеда он любил только женщин. Ну и полеты, конечно.

Бернард ее не слушал. У него дрожали руки.

– Я утопил его в болоте в заповеднике Мерритт. Чуть не сбил фламинго. У меня, кажется, был сердечный приступ. Слава богу, на мне было УСМ.

– Устройство для сбора мочи.

Хейзел улыбнулась при этом воспоминании. Ребята очень беспокоились о размерах. Они не утихали, пока миссис Пилкингтон не поменяла бирки «маленький», «средний» и «большой» на «большой», «очень большой» и «огромный».

– А откуда вы знаете? – удивился Бернард.

– Ну, я зарабатывала на жизнь шитьем скафандров.

– Вы работали на *IPC* в Делавэре, мэм? – Он распахнул глаза: – Над *A7LB*?

В его голосе появилось уважение.

– Да, хотя сначала я шила пояса, бюстгальтеры и подгузники. Скафандр – это примерно то же самое, только для взрослого человека. Ладно, неважно. А во второй раз что случилось?

Бернард покраснел.

– Кажется, в деле была замешана женщина, – решила Хейзел.

– Как вы поняли?

– Я хорошо знаю этот скафандр.

– Проснувшись, я оказался в стрип-клубе в Коко-Виллидж. В скафандре.

– «Чи-Чи».

Это был любимый клуб Пита.

– Ну, девчонкам понравилось. Они решили, что у меня мальчишник перед свадьбой. Вот только помаду оттирать было сложно.

– Звучит неплохо.

– Ну... я не люблю девушек на самом деле. – Бернارد вздохнул.

– Ой.

– После этого я решил, что у меня опухоль мозга. Но исследования ничего не показали. Я подумал, что это могут быть галлюциногенные химикаты, возникающие при распаде материалов. И опять нет. Вчера я запер эту чертову хреновину в титановом сейфе и проглотил ключ. И вот я перед вами. – Бернارد закрыл глаза. – Должно существовать рациональное объяснение, но я не могу его придумать. Вы, наверное, считаете, что я сошел с ума.

– Вовсе нет, – сказала Хейзел, – просто я оскорблена.

– Оскорблены? Но почему?

– Потому что Пит пришел ко мне в третью очередь. Ой, прекрати делать удивленный вид. Отрицай сколько хочешь, но ты сам сказал, что в скафандре привидение. Ты как мой последний муж, Тайрон. Он был стоматолог. Хороший был человек, но не мог обойтись без объяснений для всего на све-

те. Вот тебе одно. Этот скафандр состоит из четырех тысяч деталей, и мы подгоняли каждую из них не меньше тридцати раз, чтобы скафандр сидел на Пите как перчатка. И куда он еще мог направиться, когда тело перестало его слушаться?

– Я его не верну, – сказал Бернад. – Я заплатил за него полмиллиона баксов. И я выясню, что с ним не так. Привидение, колдовство или что. – Он потер глаза. – Мэм, если вопрос в деньгах, я уверен, что мы что-нибудь придумаем. Жить на пенсию непросто...

– Слушай, Бернад. Пит Тернбулл был настоящим героем. Настоящим космонавтом. Нельзя стать таким, просто надев скафандр не по размеру или подписав пару чеков. Не забывай об этом, если действительно хочешь попасть в космос.

– Мэм, я не понимаю, что дает вам право...

Она скрестила руки на груди.

– Я его сделала. Я, Джейн Батчин, миссис Пилкингтон и другие. Ребята были в космосе, но мы помогли им выжить. Своими стежками, нитками и швами. Поэтому давай снимай *A7LB*, прямо сейчас, отправляйся домой и ложись спать. И других вариантов у тебя нет, ясно тебе?

Бернард съезжился под ее взглядом и принялся неуклюже отстегивать ремни.

– А что вы собираетесь сделать? – спросил он. Лицо его посерело от страха.

– Не волнуйся. Выдавать тебя не стану. Но нам с Питом есть о чем поговорить.

Когда Бернارد ушел, Хейзел села и долго смотрела на костюм, на свое лунное отражение в шлеме. *A7LB*, принадлежавший Питу, раскинулся на кресле и выглядел очень довольным собой.

– Мудак ты, – сказала она и встала. – Тупой самодовольный мудак. И с чего ты взял, что все еще мне нужен?

Она сгребла скафандр и потащила его в мастерскую, задыхаясь под пятидесятифунтовой тяжестью и игнорируя боль в бедре. Вытащила ножницы – те, что для плотных тканей, – и принялась резать скафандр на кусочки, медленно и решительно, сжав губы в тонкую линию.

Это было сложно. Ножницы скользили в негнущихся пальцах, металлическая рукоять врезалась в руку. Она разрезала термальный костюм, изоляционный слой, двадцать один слой герметичного костюма, один за другим. Она замерла, только добравшись до силового сильфона, который когда-то шила шестнадцать часов подряд, чтобы успеть к сроку.

И тогда она почувствовала какую-то неправильность, что-то, спрятавшееся между слоями. Сунула туда пальцы и нащупала что-то плоское, покоробленное. Вытащила.

Это была фотография Хейзел почти пятидесятилетней давности. Облако черных волос сияло, белые зубы тоже сияли в широкой улыбке.

Они встречались на примерках, которые приходилось втискивать в его напряженный график тренировок. Как-то

поздно вечером в 1967 году они остались вдвоем в задней комнате мастерской в Делавэре.

Она подарила ему фотографию, когда они лежали среди разбросанных элементов скафандра, окруженные запахами тканей, латекса, пластика и собственных разгоряченных тел. Потом она плакала, точно зная, что он не станет эту фотографию хранить, понимая, что она останется всего-навсего очередной зарубкой на прикладе, уверенная, что он ничем не отличается от других парней-космонавтов, о которых говорили девушки.

Но он возвращался раз за разом. На неделю отвез ее в Аспен, возил на Бродвей смотреть мюзикл и куда-то во Флориду наблюдать за фламинго. Притащил ее на Канаверал смотреть на запуск, и тогда она сказала, что тоже хочет в космос. Не просто шить скафандры, а иметь право носить их. Она думала, что он засмеется, а он нежно ее обнял и поцеловал, когда гигантская огненная игла «Сатурна-5» прошла ткань неба.

– Когда-нибудь, – сказал он, – когда-нибудь.

Он перестал к ней приходить, только когда его сделали командиром четвертой лунной программы. Астронавт и черная швея. Все так и должно было быть. Через год он женился на своей школьной подруге.

Она плакала и жила дальше. Нашла Тайрона, который подходил ей лучше любого скафандра. А после его смерти горе порой жалило ее без предупреждения – как булавка

миссис Пилкингтон.

Хейзел отложила ножницы. Пит все-таки взял ее с собой на Луну. Но зачем он вернулся?

«Когда-нибудь».

Она оценила ущерб, нанесенный скафандру, и включила швейную машинку. Предстояло много работы.

Три дня спустя она вышла из такси у Космического центра Линдона Джонсона, где царил суеда. Бернард вышел ее встретить. Поздоровался вежливо, хотя и холодно, и даже предложил помочь с тяжелым чемоданом на колесиках. Вокруг бегали инженеры в футболках, спорили, занимались модулями, похожими на гигантские пивные банки, завернутые в оловянную фольгу. Огромный сдутый красный воздушный шар занимал большую часть ангара и закрывал кучу контейнеров. Она уже все это видела в интернете. Им пришлось изобрести новые материалы и способы их склейки, чтобы шар выдержал стратосферу. В конце концов все всегда сводится к ткани.

Кабинет Бернарда оказался маленьким и захлавленным, полным компьютеров, залепленных стикерами для заметок. Окно выходило на мастерскую. Он тщательно закрыл дверь.

– Я не думал, что еще раз вас увижу, мэ. Что случилось?

Хейзел улыбнулась и открыла чемодан. Оттуда выглянул шлем *A7LB*.

– Примерь. Должен сидеть получше.

Он облачился в скафандр меньше чем за пятнадцать минут. Хейзел вынуждена была признать, что Бернارد знает, что делает, пусть даже он прикасался к нему осторожно, как будто скафандр мог укусить. Улыбка расплылась по его лицу.

– Идеально, – сказал он, размахивая руками и подпрыгивая.

Хейзел улыбнулась: мерки она снимала очень точно, даже на глаз. Ей пришлось купить в космическом магазине реплику скафандра, чтобы раздобыть кое-какие материалы, но ведь надо же на что-то тратить сбережения.

– Просто прекрасно. – Он неуклюже, как мишленовский человек, обнял Хейзел. – А почему вы передумали?

– Поговорила со старым другом. Не думаю, что он еще раз тебя побеспокоит. Но ты не радуйся прежде времени, мои услуги не бесплатны.

– Конечно, сколько хотите. Я немедленно переведу вам деньги, только назовите сумму.

– Деньги мне не нужны.

Хейзел посмотрела на детали «Эксцельсиора».

– Эта ваша консервная банка летит в космос?

– Да, – мечтательно сказал Бернارد, и эта мечта была больше него самого. – Мы летим на орбиту, а потом на Луну. И обратно.

– Вот и ладненько, – сказала Хейзел. – Я лечу с вами.

Голос его хозяина

Перед концертом мы воруем голову хозяина. Некрополь похож на темный лес бетонных грибов в синей антарктической ночи. Мы прячемся в пузыре служебного тумана, приделанного к крутой южной стене нунатака, ледяного пика.

Кошка умывается розовым языком. От нее пахнет бесконечной уверенностью.

– Готовься, – говорю я, – мы не будем тут всю ночь торчать.

Она бросает на меня обиженный взгляд и надевает броню. Квантовая ткань в горошек обволакивает полосатое тело, как живое масло. Кошка слабо мурлычет и пробует алмазные когти на ледяном выступе скалы. Звук отдается в зубах, и бабочки с острыми крыльями просыпаются в животе. Я смотрю на яркий, непроницаемый файерволл города мертвых. В дополненной реальности он мерцает, будто кому-то удалось заковать в цепи северное сияние.

Я решаю, что пора попросить Большого Пса залаять. Лазер, закрепленный на моем шлеме, отправляет наносекундную молитву света в небо цвета индиго. Как раз достаточно, чтобы передать один квантовый бит туда, в землю Диких. Теперь ждем. Хвост виляет сам собой, и низкое рычание зарождается где-то в животе.

Точно по расписанию начинает сыпаться красный фрак-

тальный код. Зрение ухудшается, механизм дополненной реальности не в силах обработать плотный поток информации, который валится на некрополь, как тропический ливень. Северное сияние мерцает и исчезает.

– Вперед! – кричу я кошке, и во мне взрывается дикая радость, радость бега за Маленьким Зверьком из моих снов. – Давай!

Кошка прыгает в пустоту. Крылья брони раскрываются и цепляются за ледяной ветер, и кошка летит вниз, как ухмыляющийся китайский воздушный змей.

Теперь трудно вспомнить начало. Тогда не было слов, только звуки и запахи: металл и рассол, мерный стук волн о понтоны. И три идеальные вещи: моя миска, мячик и твердая рука хозяина на моей шее.

Теперь я знаю, что это была старая нефтяная платформа, которую купил хозяин. Когда мы приехали, там плохо пахло, жженой нефтью и химикатами. Но зато там были тайники, укромные уголки и закоулки. Была вертолетная площадка, где хозяин бросал мне мяч. Он часто падал в воду, но боты хозяина – маленькие металлические стрекозы – всегда приносили его, если у меня не получалось.

Хозяин был богом. Когда он злился, его голос становился невидимым хлыстом. Его божественный запах наполнял весь мир. Пока он работал, я лаял на чаек или подкрадывался к кошке. Мы несколько раз подрались, и у меня до сих пор остался бледный шрам на носу. Но потом мы заключи-

ли перемирие. Темные места принадлежали кошке, а я царствовал над палубой и небом: мы были Аидом и Аполлоном в царстве нашего хозяина.

Но по вечерам, когда хозяин смотрел старые фильмы или слушал пластинки на старом дребезжащем граммофоне, мы вместе лежали у его ног. Иногда от хозяина пахло одиночеством, и он позволял мне спать рядом с ним в маленькой каюте, свернувшись калачиком в божественном запахе и тепле.

Этот мир был невелик, но другого мы не знали.

Хозяин много времени проводил за работой, его пальцы танцевали по клавиатуре, которая проецировалась на стол из красного дерева. Каждую ночь он уходил в Комнату: единственное место, куда меня не пускали.

Именно тогда я начал мечтать о Маленьком Зверьке. Я помню его запах и сейчас, манящий, необъяснимый и неотразимый, запах закопанных костей и убегающих кроликов.

Во сне я гонял его по песчаному пляжу, шел по вкусной цепочке крошечных следов по извилистым дорожкам и уходил в высокую траву. Я никогда не терял его из виду дольше чем на секунду: где-то на краю поля зрения всегда маячила вспышка белого меха.

Однажды Зверек заговорил со мной:

– Пошли. Пора учиться.

Остров Маленького Зверька был полон укромных уголков. Лабиринты пещер, проведенные на песке линии, которые становились словами, когда я смотрел на них, запахи, ко-

торые звучали песнями с граммофона хозяина. Зверек учил меня, и я учился: с каждым днем мое сознание пробуждалось. Когда я увидел, как кошка внимательно смотрит на роботов-пауков, я понял, что она тоже бывает там по ночам.

Я начал понимать, что говорит хозяин. Звуки, которые раньше означали только гнев или радость, стали словами бога.

Он заметил это, улыбнулся и взъерошил мне мех. После этого он начал больше говорить со мной и кошкой долгими вечерами, когда море за окном становилось черным, как нефть, и волны колотились о платформу, как колокол. Его голос был темным, как колодец, глубоким и нежным. Он говорил об острове, где был его дом, острове посреди великого моря. Я ощутил горечь и впервые понял, что за словами всегда есть другие слова, произнесенные.

Кошка отлично ловит восходящий поток: она застывает неподвижно на долю секунды, а затем цепляется за башню. Ее когти погружают умный бетон в сон: это код, который заставляет здание думать, что кошка – не кошка, а птица или брошенный ветром осколок льда.

Кошка шипит и плюется. Наниты блока разборки вылетают из ее желудка, цепляются к стене и начинают прогрызать в ней круглую дырку. Ожидание мучительно.

Кошка блокирует экзомышцы своей брони и терпеливо висит. Наконец в стене появляется дыра с зазубренными кра-

ями, и кошка проскальзывает внутрь.

Сердце у меня колотится, и я переключаюсь с режима дополненной реальности на камеры, закрепленные на сетчатке глаз кошки. Она несется по вентиляционной шахте, как молния, как акробат, рывками, двигаясь с невероятным ускорением, и обмен веществ у нее тоже стремительный. Хвост у меня непроизвольно дергается. *Мы идем, хозяин. Мы идем.*

Я потерял мяч в тот день, когда пришел другой хозяин.

Я смотрел везде. Я целый день обнюхивал каждый уголок и даже залез в темные коридоры кошачьего царства под палубой, но я ничего не нашел. В конце концов я проголодался и вернулся в каюту. И там были два хозяина. Четыре руки гладили мою шкуру. Два бога, истинный и ложный.

Я лаял. Я не знал, что делать. Кошка посмотрела на меня со смесью жалости и презрения и потерлась о две ноги разом.

– Успокойся, – сказал один из хозяев, – успокойся. Теперь нас четверо.

В конце концов я научился различать их: к тому времени Маленький Зверек уже научил меня смотреть глубже запахов и внешности. Хозяин, которого я помнил, был коренастым мужчиной средних лет с седыми волосами. Новый хозяин был совсем мальчик, очень худой и с ангельским лицом цвета красного дерева. Хозяин пытался убедить меня поиграть с новым хозяином, но я не хотел. Его запах был слишком знакомым, а все остальное слишком чужим. Про себя я звал его неправильным хозяином.

Два хозяина вместе работали, вместе гуляли и много разговаривали, используя слова, которые я не понимал. Я ревновал. Один раз я даже укусил неправильного хозяина. В наказание меня оставили на палубе на ночь, хотя была гроза, а я боялся грома. Зато вот кошка прекрасно поладила с неправильным хозяином, и я ненавидел ее за это.

Я помню первый раз, когда хозяева поссорились.

– Почему ты это сделал? – спросил неправильный хозяин.

– Сам знаешь. Ты же помнишь, – мрачно ответил хозяин, – кто-то должен показать им, что мы принадлежим сами себе.

– Значит, я принадлежу тебе? – уточнил неправильный хозяин. – Так ты считаешь?

– Конечно, нет. С чего ты взял?

– Многие так решили бы. Ты взял генетический алгоритм и клонировал себя десять тысяч раз со случайными вариациями. Выбрал те, которые были бы похожи на твоего идеального сына, которого ты мог бы любить. Повторял, пока машины не сломались. Затем распечатал. Это незаконно, знаешь ли. И не просто так.

– Это не то, что думают... множественные. Кроме того, это моя территория. Здесь действуют только мои законы.

– Ты слишком много говоришь с множественными. Они больше не люди.

– А ты говоришь как пиар-боты «ВекТех».

– Я говорю как ты. Озвучиваю твои сомнения. Ты уверен,

что поступил правильно? Я не Пиноккио. Ты не Джеppetто.

Хозяин долго молчал.

– А если я он? Может быть, нам нужны именно Джеppetто. Никто больше не создает ничего нового, не говоря уж о деревянных куклах, которые оживают. Когда я был молод, мы воображали, что нас ждет что-то прекрасное. Алмазные дети в небе, ангелы из машин. Чудеса. Но мы сдались как раз перед тем, как пришла голубая фея.

– Я не твоё чудо.

– А кто же ты?

– Если бы ты хотя бы сделал себя женщиной, – сказал неправильный хозяин, и голос его прозвучал как удар ножа, – наверное, это было бы менее неприятно.

Я не слышал удара, но я его чувствовал. Неправильный хозяин вскрикнул, бросился наружу и чуть не наткнулся на меня. Хозяин смотрел, как он уходит. Его губы шевелились, но я не слышал слов. Я хотел утешить его и тихо зарычал, но он даже не посмотрел на меня, вернулся в каюту и запер дверь. Я поцарапал ее, но он не открыл, так что я поднялся на палубу и стал искать мяч.

Наконец кошка находит камеру хозяина.

Она полна голов. Лишенные тел головы парят в воздухе, заключенные в бриллиантовые цилиндры. Башня выполняет команду, которую мы отправили в ее одурманенную нервную систему, и один из цилиндров начинает моргать.

«Хозяин, хозяин».

Я тихонько скулю, когда вижу холодное голубое лицо под бриллиантом. Но в то же время я понимаю, что это не хозяин, еще нет.

Кошка протягивает свой протез. Умная поверхность прогибается, как мыльный пузырь.

– Осторожнее, осторожнее, – говорю я.

Кошка сердито шипит, но слушается, обрызгивает голову нанитами-консервантами и аккуратно кладет ее в наполненный особым студнем рюкзак.

Некрополь наконец-то просыпается: ущерб, причиненный небесным хакером, почти устранен. Кошка направляется к выходу и снова начинает двигаться невероятно стремительно. Через нашу сенсорную связь я чувствую ее отрывистое сердцебиение.

Пора выключать свет. Мои глаза поляризуются и становятся черными для защиты от солнца. Я поднимаю гауссову пусковую установку и поражаюсь, насколько нежны русские ручные трансплантаты. Я нажимаю на спусковой крючок. Установка едва дергается в моей лапе, и полоса света взлетает к небу. Ядерный боевой заряд крошечный, едва ли декатонна, это даже не настоящая плутониевая боеголовка, а гафниевая микробомба. Но достаточно зажечь маленькое солнышко над городом-мавзолеем на одно мгновение, и сфокусированный импульс мазера сделает его таким же мертвым, как всех жителей города.

Свет вспыхивает белым ударом, почти осязаемый в своей интенсивности, и на мгновение кажется, что долина сделана из яркой слоновой кости. Белый шум шипит в моих ушах, как кошка, когда злится.

Для меня запахи были не просто ощущениями, они были моей реальностью. Теперь я знаю, что это недалеко от истины: запахи – это молекулы, части предмета.

От неправильного хозяина пахло не так. Сначала это меня смутило: запах бога, но не совсем. Запах павшего бога.

И он пал, в конце концов.

Я спал на диване хозяина, когда это случилось. Я проснулся от шарканья босых ног по ковру и звуков тяжелого дыхания. Меня вырвали из сна, где Маленький Зверек пытался научить меня таблице умножения.

Неправильный хозяин посмотрел на меня:

– Хороший мальчик. Тихо.

Я хотел залаять, но божественный запах был слишком силен. И поэтому я просто завил хвостом, медленно и неуверенно. Неправильно.

Хозяин сел на диван рядом со мной и рассеянно почесал мне уши.

– Я тебя помню, – сказал он. – Я знаю, почему он сделал тебя. Ожившее воспоминание детства.

Он улыбался и пах дружелюбнее, чем раньше.

– Я знаю, каково это. – Он вздохнул, встал и пошел в Комнату.

И тут я понял, что он собирается сделать что-то нехорошее, и залаял так громко, как только мог. Хозяин проснулся, и когда неправильный хозяин вернулся, он уже ждал.

– Что ты наделал? – спросил он, и лицо его было белым как мел.

Неправильный хозяин посмотрел на него вызывающе:

– То же самое, что и ты. Ты преступник, а не я. Почему я должен страдать? Я тебе не принадлежу.

– Я мог бы убить тебя, – сказал хозяин, и от гнева в его голосе я испуганно заскулил. – Я мог бы сказать им, что я был тобой. Они бы поверили мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.